

Al Lex

**Осколок Империи.
Наследник без искры**

18+

AI Lex

**Осколок Империи.
Наследник без искры**

«Автор»

2026

Lex A.

Осколок Империи. Наследник без искры / А. Lex — «Автор»,
2026

Я был лучшим военным хирургом и полевым ученым, вытаскивал парней с того света там, где медицина бессильна. Но на очередной миссии моя жизнь оборвалась. Теперь я в теле восемнадцатилетнего Михаила Соколова. Окружение считает меня позором древнего рода, ведь у меня «выжжены магические каналы» и нет родового дара. Родственники мечтают поскорее избавиться от балласта, а враги клана уже наняли убийц. Они думают, что я слаб? Ошибаются. Местные маги не знают, как устроена анатомия, и черпают силу вслепую. А я вижу их заклинания как биологические узлы. Мой скальпель и знание человеческого тела станут опаснее любого огненного шара. Я верну себе имя. И заставлю Империю содрогнуться.

Содержание

Глава 1 Смерть и Перерождение	5
Глава 2 Доходный дом «Якорь»	10
Глава 3 Рынок и лавка алхимика	16
Глава 4 Ночной гость	24
Глава 5 Подпольный госпиталь и стальная роза	31
Г	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

AI Lex

Осколок Империи. Наследник без искры

Глава 1 Смерть и Перерождение

Холод. Первое, что я почувствовал, приходя в сознание — это пронизывающий, могильный холод и резкий запах сырости, густо перемешанный со знакомым, сладковато-металлическим ароматом свежей крови.

«Странно. В операционной всегда тепло... И почему так чертовски воняет сырым подвалом?» — пронеслась ленивая, путающаяся мысль.

Последнее, что осталось в моей памяти из прошлой жизни — оглушительный, разрывающий перепонки взрыв фугаса прямо под колесами нашего армейского бронетранспортера. Помню дикий скрежет сминаемого металла, крик молодого водителя-срочника и ослепительную вспышку боли, которая мгновенно выключила весь мир. Как ведущий военно-полевой хирург с тридцатилетним стажем, я прекрасно понимал: после такого взрыва от человеческого тела остаются лишь обгоревшие ошметки. Шансов выжить не было. Финита ля комедия.

Я попытался открыть глаза, но веки весили добрую тонну. Вместо стерильного белого кафеля госпиталя или хотя бы брезентового купола палатки надо мной в полумраке возвышался угрюмый каменный свод. Старая, щербатая кирпичная кладка, покрытая серой плесенью.

Но настоящая паника накрыла меня, когда я попытался пошевелить руками и посмотрел на свои ладони.

Это были не мои руки. Абсолютно. Мои пальцы за три десятка лет у операционного стола стали узловатыми, с грубыми мозолями от хирургических инструментов, со шрамами от старых ожогов и въевшимся запахом антисептиков. Сейчас же передо мной были тонкие, бледные, почти девичьи пальцы с ухоженными ногтями. Руки человека, который в своей жизни не поднимал ничего тяжелее перьевой ручки.

«Что за чертовщина?.. Где я?»

Внезапно изнутри черепной коробки словно взорвалась термитная шашка. Голову прошила вспышка такой дикой, неопишуемой боли, что я беззвучно закричал, впиваясь пальцами в грязный земляной пол. Чужие воспоминания хлынули в мой мозг бешеной, неконтролируемой лавиной, выжигая остатки старого сознания и намертво переплетаясь с моей собственной личностью. Михаил Соколов. Восемнадцать лет. Младший сын графа Петра Соколова.

Мир, куда меня занесло, до боли напоминал мою родную Землю, но застрял где-то в альтернативном конце девятнадцатого или начале двадцатого века. Здесь были паровые двигатели, револьверы, телеграфы и роскошные балы. Но главное отличие заставило меня похолодеть изнутри.

Магия.

Этот мир принадлежал Великим Кланам. Родовитая аристократия правила огромной Российской Империей благодаря «искре» — врожденному дару управлять стихиями, кровью или пространством. Сила клана определяла его место у престола.

А вот у Миши Соколова, в чьем теле я очнулся, всё было очень плохо. Он родился «пустышкой». С самого детства медицинские артефакты и клановые целители выносили один и тот же безжалостный вердикт: магические каналы парня полностью выжжены или атрофированы от рождения. В семье высших магов появление такого ребенка — это несмыслимый позор.

Старшие братья издевались, отец брезгливо отворачивался при встрече, а мачеха (родная мать Миши умерла много лет назад) спала и видела, как бы избавиться от балласта, претендующего хоть на какую-то долю наследства. Парня заперли в дальнем флигеле поместья, лишили карманных денег и относились хуже, чем к прислуге.

И вот, судя по свежим обрывкам памяти, настал финал. Кто-то из родственников решил довести дело до конца. Парня заманили в заброшенный винный погреб на окраине поместья, оглушили ударом по голове и...

— Глянь, а щенок-то еще дышит. Живучий, тварь, — раздался хриплый, прокуренный голос откуда-то из густой тени подвала.

Я замер, мгновенно применив старый армейский навык контроля дыхания. Слава богу, рефлекс военного хирурга и хладнокровие, выработанное годами работы под обстрелами, никуда не делись. Мой разум работал четко, как швейцарские часы, отделяя эмоции от фактов.

— Да куда он денется, — отозвался второй голос, более молодой и писклявый.

— Тварь бесдарная. Граф ясно сказал: сделать всё тихо, чтобы выглядело как несчастный случай или самоубийство. Мол, не выдержал позора и принял яд. Давай, плесни ему в глотку эту дрянь и кончаем с этим. Тут холодно как в могиле.

В полумраке послышался тихий шорох шагов по битому кирпичу и сухой, зловещий щелчок откупориваемой стеклянной ампулы.

Мое новое, слабое сердце бешено заколотилось в грудной клетке, разгоняя кровь. Прежний Миша Соколов, трусливый и забитый мальчишка, сейчас наверняка забился бы в угол, умоляя о пощаде. Но эти подонки не учли одного. Настоящий Миша Соколов умер минуту назад от болевого шока или страха. А в его теле очнулся человек, который тридцать лет вырывал жизни из лап смерти на передовой. Человек, который умел убивать голыми руками, если от этого зависела его собственная шкура.

Я продолжал лежать неподвижно, слегка приоткрыв левый глаз. Ко мне приближались двое. На них были серые суконные куртки — обычная форма младших слуг или наемных головорезов из трущоб. У того, что повыше, на поясе висел тяжелый армейский револьвер, а в руке он держал небольшой флакон с темной жидкостью. Второй, приземистый и плотный, держал наготове короткий железный прут.

Они считали меня безопасным овощем. И это было их главной, смертельной ошибкой.

«Так, оценим ресурсы», — мысленно скомандовал я себе. Тело слабое, мышцы не тренированы, дышалка ни к черту. Но анатомия анатомия в этом мире, судя по всему, точно такая же. А значит, человеческий организм всё так же уязвим для правильного, точечного удара. Мне не нужна магия, чтобы отключить сознание здоровому мужику. Мне нужны лишь знания.

— Эй, паря, не дергайся, — хмыкнул высокий, наклоняясь надо мной и протягивая руку к моему подбородку, чтобы силой раскрыть рот.

— Пей, легче будет.

Как только его пальцы коснулись моего лица, я выкинул правую руку вперед. Мои тонкие пальцы, ведомые абсолютной памятью профессионального хирурга, вонзились точно в основание его шеи — чуть выше ключицы, туда, где проходит каротидный синус и блуждающий нерв. Это был не просто удар, а резкое, концентрированное нажатие, вызывающее мгновенный шок, падение давления и остановку дыхания.

Высокий даже не успел вскрикнуть. Его глаза дико округлились, флакончик с ядом выпал из ослабевших пальцев, разбившись о камни, а сам он мешком рухнул прямо на меня, судорожно хватая ртом воздух.

Второй головорез от неожиданности застыл, тупо уставившись на хрипящего поделника.

— Что за Ты что сделал, ублюдок?! — взревел он, замахиваясь своим железным прутом.

Я не стал ждать. Сбросив с себя обмякшее тело высокого, я перекатился в сторону. Металлическая арматура с оглушительным звоном врезалась в землю в паре сантиметров от моего бедра, выбив сноп искр.

Используя инерцию переката, я вскочил на ноги. Голова на секунду закружилась, но я подавил тошноту силой воли. Плотный бандит уже разворачивался для нового удара, заноса прут над головой. Открытая позиция. Классическая ошибка дилетанта.

Я сделал короткий шаг вперед, разрывая дистанцию, чтобы он не мог использовать длину своего оружия, и нанес быстрый удар ладонью снизу вверх — точно в основание его носа. Кость с хрустом ушла внутрь, ломаясь и вызывая обильное кровотечение. Бандит взвыл от боли, роняя прут и закрывая лицо руками.

Но я не собирался оставлять его в живых. Эти люди пришли убить меня. Если я отпущу хотя бы одного, завтра за моей головой придет целая гвардия графа Соколова.

Я подобрал с земли оброненный им железный прут...

Я перехватил тяжелый железный прут поудобнее. Холодный металл приятно охлаждал ладонь нового, непривычно легкого тела. Кровь в жилах бешено пульсировала, в ушах стоял отчетливый гул, но разум оставался кристально чистым.

Секунду назад этот приземистый ублюдок собирался проломить мне череп. Жалости к нему я не испытывал. На войне как на войне.

Бандит все еще выл, согнувшись пополам и зажимая сломанный нос ладонями. Сквозь его пальцы густо текла темная, почти черная в полумраке кровь.

Я сделал короткий шаг вперед и нанес хлесткий удар прутом наотмашь — точно по коленному суставу левой ноги. Раздался глухой, мерзкий хруст ломающейся чашечки. Бандит взвыл на ультразвуке и рухнул на колени, окончательно потеряв ориентацию в пространстве. Железный прут снова взвился в воздух и опустился на его затылок. Не слишком сильно, чтобы не пробить череп сразу, но достаточно, чтобы отключить сознание. Нападавший ткнулся лицом в грязный земляной пол и затих, лишь крупно вздрогнув всем телом на прощание.

Я тяжело выдохнул, опустив оружие. Сердце колотилось как безумное, готовое выскочить из груди. Это слабое, изнеженное тело Михаила Соколова явно не было готово к таким перегрузкам. Ноги предательски задрожали, в глазах на мгновение потемнело, и мне пришлось опереться спиной о холодную кирпичную кладку стены, чтобы не упасть рядом со своими несостоявшимися убийцами.

«Так, дыши, док, просто дыши», — мысленно скомандовал я себе, делая глубокие вдохи через нос и короткие выдохи через рот.

— «Глубокий вдох, задержка, выдох. Снижаем пульс. Паника — твой главный враг».

Минуты через три туман перед глазами рассеялся. Я посмотрел на двоих мужчин, лежащих у моих ног. Первый, высокий, которого я отключил ударом в каротидный синус, уже начал тихо и хрипло стонать. Сознание возвращалось к нему быстрее, чем к его товарищу с проломленной головой.

«Отлично. Мне как раз нужен язык», — подумал я, отбрасывая прут в сторону и опускаясь на корточки перед высоким.

Я бесцеремонно схватил его за воротник серой суконной куртки и с силой встряхнул. Мужчина открыл замутненные глаза, попытался дернуться, но я тут же прижал его шею к полу каблуком туфли. Не до смерти, но так, чтобы он понял — любое лишнее движение перекроет ему кислород окончательно.

— Слушай меня внимательно, приятель, — мой голос прозвучал на удивление тихо и зловеще, я сам едва узнал эти новые, юношеские нотки, в которые сейчас вплеталась жесткая интонация бывалого офицера. — У тебя есть ровно один шанс выжить и уйти отсюда на своих двоих. Кто вас послал?

Бандит захрипел, его глаза испуганно забегали по сторонам. Он явно не ожидал увидеть в забитом барчуке-«пустышке» такую холодную, расчетливую ярость.

— Кхх Молодой господин пощадите — выдавил он из себя, давась слюной.

— Имя, — я слегка увеличил давление каблука на его горло. — У меня мало времени, и если ты решишь поиграть в верность, я просто добыю тебя и спрошу твоего друга. Ему все равно терять нечего, у него череп треснул.

— Управляющий управляющий Савелий! — быстро заторил бандит, когда я на секунду ослабил нажим. — Он дал нам деньги! Сказал, что все согласовано с с барыней! С вашей мачехой, графиней Анной Викторовной! Она велела убрать вас до конца недели, пока граф в разъездах в столице!

«Что и требовалось доказать», — цинично подумал я. Чужие воспоминания Миши Соколова тут же подкинули образ мачехи — холеной, высокомерной женщины, которая всегда смотрела на пасынка как на надоедливое насекомое. Видимо, пока отец в Петербурге, она решила окончательно зачистить пространство для своего собственного сына, старшего брата Миши.

— Что еще? Каков был план? — спросил я, пристально глядя ему в глаза.

— Вы вы должны были выпить яд. Насчет тела Савелий сказал не беспокоиться, он сам бы нашел вас утром и пустил слух, что вы не выдержали позора из-за отсутствия магии и наложили на себя руки. Нам заплатили по половине остальное после дела.

— Где деньги? — коротко бросил я.

— В в кармане куртки. Все там, клянусь! Только не убивайте!

Я запустил руку в карман его куртки и нащупал там увесистый кожаный мешочек. Развязав его одной рукой, я заглянул внутрь. Приятный блеск серебряных и нескольких золотых монет. В памяти Миши тут же всплыли цены: этой суммы вполне хватит, чтобы уехать из города, снять скромное жилье и безбедно прожить пару месяцев, если не шиковать. Настоящее сокровище для нищего беглого дворянина.

Я перевел взгляд на второго бандита, обыскал его обмякшее тело и нашел еще один точно такой же мешочек. Кроме того, у высокого на поясе висел тот самый тяжелый револьвер. Кожаная кобура, армейский образец, шесть патронов в барабане. Оружие в этом мире было серьезным аргументом, особенно для человека, обделенного магической силой. Я аккуратно снял ремень с кобурой и закрепил его на своей талии, прикрыв полами длинного форменного сюртука.

— Отлично, — я поднялся на ноги, пряча кошель с деньгами во внутренние карманы.

— А теперь, приятель, спокойной ночи.

— Вы же обещали — испуганно пролепетал высокий.

— Я обещал, что ты уйдешь на своих двоих. Но я не говорил, когда именно.

Прежде чем он успел закричать, я нанес ему короткий, точный удар носком туфли в челюсть. Голова бандита дернулась, и он окончательно отключился, завалившись на бок. Теперь у меня было как минимум несколько часов, пока их хватятся, и пока они смогут прийти в себя и доползти до управляющего.

Я подошел к выходу из погреба. Массивная дубовая дверь была приоткрыта. Сквозь щель пробивался блеклый, серый свет зарождающегося рассвета. На улице было тихо, лишь где-то вдалеке надрывно лаяли хозяйские собаки.

Я аккуратно выскользнул наружу. Холодный утренний воздух империи ударил в лицо, окончательно протрезвляя сознание. Вокруг расстился огромный, запущенный парк графского поместья Соколовых. Вековые дубы, усыпанные росой тропинки и кованный забор вдали. Назад, в свой флигель, мне возвращаться нельзя. Там меня ждет лишь ловушка. Если управляющий поймет, что план сорвался, на меня объявят настоящую охоту.

Нужно уходить из поместья. Прямо сейчас. В город, затеряться среди тысяч обычных людей, найти жилье и начать разбираться, как функционирует это новое тело. И, самое главное

— понять, почему местная медицина считает мои магические каналы «выжженными». Как ученый и хирург, я привык верить фактам, а не слепым диагнозам магов. Любую патологию можно изучить. А значит, ее можно исправить.

Я накинул на голову глубокий капюшон сюртука и быстрым, бесшумным шагом направился в сторону проломленной секции старого забора на окраине парка.

Михаил Соколов официально умер в том подвале. Теперь пришло время для кого-то совершенно другого. И этот мир еще сильно удивится, когда «бесдарная пустышка» вернется, чтобы предъявить свои права на жизнь.

Глава 2 Доходный дом «Якорь»

До губернского города Н. я добрался лишь к полудню, изрядно натерев ноги чужими, непривычно тесными дворянскими туфлями. Старое, совершенно не тренированное тело Михаила Соколова, не знавшее в своей жизни ни физического труда, ни долгих марш-бросков, молило о пощаде уже после первых пяти километров пути. Каждое движение отзывалось тупой, изнуряющей болью в мышцах, а легкие хрипели, словно порванные кузнечные меха. Но я упрямо, стиснув зубы, шел вперед. Мой земной офицерский характер и тридцать лет суровой медицинской практики в военно-полевых условиях не позволяли мне сдаться из-за капризов слабого юношеского организма. Я старался держаться обочин грунтовой дороги, пряча лицо под глубоким капюшоном сюртука всякий раз, когда мимо с грохотом проносились роскошные паровые самоходы местной знати или пролетали запряженные четверками лошадей тяжелые кареты. Каждое проехавшее мимо транспортное средство обдавало меня волной горячего пара, гарью или дорожной пылью, заставляя кашлять и утирать лицо тонкими, изнеженными пальцами, которые теперь принадлежали мне.

Город Н. встретил меня оглушительной какофонией звуков, резкими запахами угольного дыма, конского навоза, дешевого табака и сырости, непрерывно тянущейся от недалекой широкой реки. Город оказался огромным, суетливым и грязным муравейником, где причудливо смешались две совершенно разные эпохи.

В самом центре высились роскошные каменные особняки с коваными балконами, сияли первые электрические вывески дорогих ресторанов, а по чистым мостовым неспешно прогуливались господа в котелках и дамы в пышных шелковых платьях. Но стоило сделать всего пару шагов в сторону от центральных улиц, как весь этот лоск мгновенно и безвозвратно исчезал, уступая место суровой реальности рабочих кварталов.

Я целенаправленно шел самые глухие рабочие районы, поближе к портовым докам и фабричным закопченным окраинам. Именно там, среди мрачных кирпичных стен, деревянных бараков и бесконечных пивных лавок, легче всего затеряться человеку без документов, в испачканной одежде и с мешком краденых монет в кармане. На окраинах портового города никого не интересовало твое прошлое и твое имя, если у тебя исправно водились деньги, а обитатели этих мест привыкли держать язык за зубами при виде любого незнакомца, не желая привлекать внимание городской стражи.

Доходный дом с покосившейся от времени деревянной вывеской «Якорь» нашелся на углу глухого, заваленного мусором переулка, прямо у границы портовых складов. Трехэтажная серая кирпичная громадина с узкими, похожими на бойницы окнами выглядела мрачно, но внутри вестибюля было относительно чисто и тихо, если не считать отдаленного шума портовых кранов и гудков пароходов на реке.

За высокой стойкой в грязноватом помещении сидел плотный, одноглазый старик в поношенном матросском кителе с медными пуговицами. Он брезгливо и оценивающе окинул взглядом мой дорогой, но изрядно испачканный в подвальной грязи дворянский сюртук, задержался внимательным взором на бледном лице и хмуро буркнул, сплевывая на пол:

— Паспорт давай. Ночлег ищешь, барчук? Комната на третьем этаже осталась. Три целковых в неделю. Вперед.

Я молча достал из кармана одну из золотых монет, аккуратно добытых у ночных гостей в винном погребе, и мягко, без лишнего стука опустил её на потемневшую деревянную стойку. Золото заманчиво и весомо блеснуло в тусклом, колеблющемся свете керосиновой лампы. Старик в матросском кителе мгновенно подобрался, спина его выпрямилась, а его единственный глаз хищно и жадно зажёгся.

— Паспорт я потерял по дороге, почтенный, — тихо, но удивительно твердо произнес я, глядя ему прямо в лицо и не мигая. — Напали лихие люди в лесу, еле ноги унес от разбойников. Мне сейчас нужна идеальная тишина, чистая постель и чтобы никто из соседей или прислуги не задавал лишних вопросов. Как думаешь, этого золотого хватит, чтобы полностью компенсировать отсутствие бумаг и твое личное беспокойство?

Хозяин доходного дома быстро, почти фокусническим, натренированным движением накрыл тяжелую монету своей широкой мозолистой ладонью и притянул к себе. На его суровом лице тут же появилась подобострастная, беззубая улыбка.

— Какое беспокойство, ваше благородие? Зачем честному человеку бумаги, верно? Всякое в нашей жизни бывает, дороги нынче вокруг города совсем беспокойные стали. Комната номер двенадцать, на самом верху, под крышей. Окна выходят во двор, соседи тихие — мастеровые да портовые счетоводы, шуметь не будут. Завтрак внизу, за отдельную плату. Ключ держи.

Я забрал тяжелый железный ключ и, не говоря больше ни слова, пошел вверх по крутой, скрипучей деревянной лестнице, стараясь не наступать на прогнившие ступени.

Комната под номером двенадцать оказалась крошечной и спартанской: узкая железная кровать с серым солдатским одеялом, колченогий стол, один стул и щербатый фаянсовый умывальник в углу, над которым висело треснувшее зеркало. Но для меня сейчас это место было надежнее любой крепости. Заперев дверь на массивный засов, я первым делом снял ремень с тяжелым револьвером кобуры и положил его на стол, в пределах прямой досягаемости руки. Затем скинул грязный сюртук и подошел к умывальнику.

Из зазеркалья на меня смотрел бледный юноша с тонкими, аристократичными чертами лица, темными кругами под большими серыми глазами и копной растрепанных темных волос. На лбу багровел огромный, наливающийся кровью кровоподтек — след от удара, которым прежнего Мишу Соколова отравили в беспамятство.

— Ну что, тезка, давай знакомиться ближе, — прошептал я, прикасаясь пальцами к ушибу и морщась от боли.

Настоящая цель моего уединения была куда важнее отдыха или еды. Мне нужно было провести полную ревизию этого тела. Точнее — разобраться с тем, что местные целители и маги называли «выжженными каналами».

Как военно-полевой хирург, я привык доверять только анатомическим фактам. Магия в этом мире — это не просто эфемерный дух или религиозное чудо, это осязаемая энергия, которая течет по организму. А значит, у нее должна быть своя проводящая система. Свои «сосуды», свои «нервные узлы». Если кровь течет по венам, а импульсы идут по нервам, то и магическая искра обязана иметь биологический субстрат.

Я сел на кровать, скрестил ноги и закрыл глаза. На Земле я много лет практиковал дыхательные техники и восточную медитацию — это помогало сохранять ледяное спокойствие во время многочасовых сложных операций под обстрелами. Сейчас я попытался применить этот навык, чтобы заглянуть внутрь собственного тела.

Я сосредоточился на дыхании, мысленно отсекая внешние шумы города, скрип половиц за стеной и стук дождевых капель из неисправного крана. Постепенно сознание погрузилось в темноту собственного тела. Я попытался нащупать то, что в памяти Миши называлось «источником» — энергетическим ядром, которое у всех магов располагается чуть ниже пупка, в районе солнечного сплетения.

Сначала была лишь пустота. Но я упрямо продолжал концентрировать внимание, направляя внутренний взор глубже, сквозь слои кожи, мышц и фасций. И тут я это увидел.

То, что местная медицина считала «пустым местом», предстало перед моим взором ученого. В районе солнечного сплетения действительно находился странный, полупрозрачный орган, напоминающий сплетение тончайших, светящихся серебром капилляров. Это и был

магический источник рода Соколовых. Но он выглядел плачевно. Словно дерево, пораженное засухой или тяжелой болезнью.

От этого ядра во все стороны — к рукам, ногам, голове — расходились магистральные пути. Местные называли их магическими каналами. Но для меня, как для врача, картина была очевидной и пугающей. Они не были выжжены. Настоящий термический ожог превратил бы ткани в рубцы. Здесь же была совсем другая патология.

«Святые угодники Да это же не ожог. Это классическая, запущенная ишемия и тромбоз!» — мысленно ахнул я, рассматривая внутреннюю структуру.

Магические каналы Соколова-младшего были абсолютно целы. Но они оказались намертво забиты странными, темными сгустками застоявшейся, затвердевшей энергии. Словно кровеносные сосуды курильщика со стажем, забитые холестериновыми бляшками. Энергия источника просто не могла пробиться сквозь эти пробки. Источник пытался пульсировать, но наткнулся на глухую стену, из-за чего сам постепенно атрофировался, усыхал от нехватки циркуляции. Именно поэтому все артефакты и целители видели лишь «пустоту» — они фиксировали отсутствие тока магии, но не понимали его причины. Местная медицина, полагающаяся на заклинания, просто не знала слова «закупорка».

«Если каналы забиты тромбами значит, их можно прочистить», — в моей голове мгновенно начал вырисовываться план, от которого перехватило дыхание.

— «Хирургическим путем. Или, точнее, целенаправленным физическим воздействием на ключевые точки».

Но для этого мне требовалось колоссальное усилие и нечеловеческая боль. Тромб нужно было продавить силой. Пробить засор, используя те крохи энергии, что еще теплились на самом дне иссыхающего источника.

Хлесткий холод умывальника помог окончательно собрать мысли в кулак.

«Итак, коллега, проведём виртуальный консилиум», — привычно обратился я к самому себе, вытирая лицо жестким полотенцем. — «Диагноз поставлен: тотальная закупорка магистральных каналов. Орган жизнеспособен, но находится в состоянии глубокой ишемии. Способ лечения в земной практике — ангиопластика или тромболитизис. Но здесь у меня нет ни катетеров, ни медикаментов. Единственный инструмент — моя собственная воля и те крохи энергии, что еще сохранили подвижность в самом ядре источника».

Я понимал, что иду на колоссальный риск. Местные учебники по магии, обрывки которых сохранились в памяти Миши, строго-настрого запрещали насильственные манипуляции с каналами. Считалось, что любое грубое вмешательство приведет к необратимому разрыву энергетической структуры и мгновенной смерти. Но местные лекари действовали вслепую, уповая на божественную искру и готовые заклинания. Они не знали топографической анатомии. Они не понимали, что у любого засора есть начало и конец, а также слабые места — анатомические сужения, где тромб держится хуже всего.

Я снова сел на кровать, спиной к стене, чтобы иметь надежную опору, если от боли тело начнет сводить судорогой. Чтобы не закричать и не переполошить весь доходный дом, я свернул плотным жгутом чистый носовой платок и скатал его, после чего крепко зажал его зубами. Руки сцепил в плотный замок на коленях.

— Ну, господи благослови. Начнем с малого. Первая точка — правое предплечье, — прошептал я сквозь сцепленные зубы.

Я снова закрыл глаза и погрузился во внутреннюю темноту своего организма. На этот раз я не просто созерцал. Я мысленно потянулся к самому дну иссохшего источника в солнечном сплетении. Там, в самой сердцевине серебристого клубка, еще теплилась крохотная капля жидкого света. Чистая, концентрированная магия рода Соколовых, которая не могла выйти наружу.

Я сосредоточил на этой капле всю свою волю. Представил её не как абстрактный свет, а как хирургический инструмент — тонкий, гибкий и невероятно прочный проводник-катетер. Медленно, по миллиметру, я начал продвигать этот ментальный зонд по главному каналу, ведущему от груди к правой руке.

Первая же крупная пробка встретилась в районе плечевого сустава. Внутренний взор четко зафиксировал это место: канал здесь сужался, и в нем серой, грязной коркой запекалась застоявшаяся энергия, полностью перекрывая русло.

«Толкай», — отдал я себе мысленную команду.

Я уплотнил свою серебряную нить магии, превращая её наконечник в подобие тупого скальпеля, и с силой вонзил в серую корку затора.

В ту же секунду реальный мир для меня перестал существовать. Тело прошла вспышка такой чудовищной, первобытной боли, будто мне в плечо живьем вкручивали ржавый железный штопор. Зубы мертвой хваткой впились в ткань платка, из глаз брызнули слезы, а мышцы спины мгновенно напряглись так, что послышался сухой хруст позвонков. Это была не обычная физическая боль от раны — это горели живые нервы, соединенные с энергетической матрицей человека.

На мгновение сознание качнулось, готовое провалиться в спасительный обморок. Но я упрямо удержал его на грани. Как хирург, я знал: если я сейчас отключусь и потеряю контроль над запущенным процессом, вырвавшаяся на волю энергия просто разорвет плечо изнутри.

«Еще раз! Дави!» — мысленно взревел я, собирая остатки воли.

Серебряная игла снова ударила в серый тромб. Я почувствовал, как затор поддался. Послышался странный внутренний звук, похожий на треск лопающегося льда. Серая корка пошла трещинами, и сквозь пробитую брешь с тихим шипением устремился первый, тонкий ручеек застоявшейся энергии.

Плечо обдало нестерпимым жаром, словно в вены залили расплавленный свинец. Но вслед за этим пришло невероятное, пьянящее чувство легкости. Пальцы правой руки непроизвольно дернулись, и я явственно ощутил, как по ним пробежала волна покалывания — точно так же, как бывает, когда отсидишь ногу, а потом в нее возвращается кровь.

Я тяжело, со свистом выдохнул, выпуская изо рта окровавленный жгут ткани платка. Весь мой лоб, шея и грудь были мокрыми от пота, сердце колотилось где-то в районе горла, а правую руку крупно трясло. Но я улыбался. Улыбался безумной, торжествующей улыбкой человека, который только что совершил невозможное.

Я открыл глаза и посмотрел на свою правую ладонь. Она больше не казалась мертвенно-бледной. Напротив, под кожей проступил едва заметный, здоровый розоватый оттенок. А на самых кончиках пальцев, если присмотреться в полумраке комнаты, срывались едва различимые, микроскопические серебряные искорки.

Первый шаг был сделан. Я пробил всего один крошечный узел из десятков, но это доказало мою правоту. Метод работал. Мое тело не было бракованным от природы — его просто нужно было «отремонтировать».

Конечно, до полноценного использования магии клана Соколовых было еще как до луны. Чтобы восстановить хотя бы треть каналов, мне понадобятся недели, а то и месяцы такой же адской, изнурительной работы. Но теперь у меня появилось главное — оружие и надежда.

Я обессиленно откинулся на жесткую подушку кровати, чувствуя, как древний сон и усталость окончательно берут верх над измученным организмом. Нужно поспать. Завтра начнется новая жизнь, и мне понадобятся все силы, чтобы закрепиться в этом городе и начать свое восхождение с самых низов.

Я проснулся глубокой ночью. За узким окном все так же шумел порт, где-то вдалеке перекликались гудками ночные буксиры, а по железной крыше доходного дома мягко шуршал мелкий затяжной дождь. Комната погрузилась в густой полумрак, рассеиваемый лишь блеклым

светом единственного газового фонаря с улицы. Тело все еще ломило, а правая рука казалась непривычно тяжелой, но глубокое внутреннее тепло, исходившее от ожившего участка канала, подтверждало — это не было сном. Реальность нового мира окончательно вступила в свои права.

Я сел на кровати, спустив ноги на холодный дощатый пол. Сон больше не шел. Мой хирургический аналитический ум, привыкший работать сутками во время тяжелых дежурств, требовал четкого плана действий на ближайшие дни.

«Итак, оценим обстановку, доктор Михаил», — мысленно произнес я, аккуратно массируя затекшую шею. — «Мы находимся в чужом мире, в теле девятнадцатилетнего бастарда-изгоя без официальных документов. У нас есть кошелек с несколькими золотыми и серебряными монетами и тяжелый армейский револьвер с шестью патронами в барабане. Это наш стартовый капитал. На эти деньги можно прожить в этой дыре пару месяцев, но они имеют свойство быстро заканчиваться. Возвращаться в поместье Соколовых сейчас — это чистое самоубийство. Мачеха и её ищейки быстро поймут, что наемники не вернулись, и объявят настоящую охоту. Значит, нужно закрепиться здесь, на портовой окраине. Затеряться на самом дне этого индустриального муравейника».

Я подошел к столу, взял в руки револьвер и привычным, до автоматизма натренированным движением откинул барабан. Сталь была отличного качества, механизм работал плавно, без малейших заеданий. Оружие в этом мире, где правила бал грубая сила и магия Великих Кланов, являлось самым весомым аргументом для выживания простого человека. Особенно для того, кого все вокруг привыкли считать «пустышкой».

«Но револьвер — это средство защиты на крайний случай», — продолжал я рассуждать, возвращая оружие на место. — «Мой главный инструмент, моя истинная сила — это мои знания земной медицины, военно-полевой хирургии и фармакологии. Местные маги лечат болезни заклинаниями, совершенно не понимая причин и механики процессов, происходящих внутри человеческого организма. Они не знают слова инфекция, не понимают, как устроена кровеносная система и фасциальные пространства. Для них болезнь — это либо проявление воли стихий, либо проклятие. И здесь, среди тысяч рабочих, матросов и грузчиков, которые ежедневно получают тяжелые травмы в доках и не имеют денег на дорогих храмовых целителей, я смогу развернуть свою практику».

План казался дерзким, но абсолютно логичным. Мне нужно было обустроить подпольную, закрытую клинику прямо здесь, в портовом районе. Место, где я смогу лечить людей руками и сталью, не привлекая внимания официальных магических гильдий и городских властей. Но для этого требовались медицинские инструменты, чистый спирт для дезинфекции, йод, качественные перевязочные материалы и базовые химические реактивы. Все то, что в памяти Миши ассоциировалось с лавками алхимиков и аптекарей.

Я снова подошел к зеркалу. Багровая гематома на лбу уже начала постепенно желтеть по краям — признак нормального распада гемоглобина в тканях, процесс шел своим чередом. Лицо парня в зеркале больше не казалось испуганным или забитым. Мой собственный жесткий, циничный взгляд взрослого мужчины, повидавшего немало смертей на операционном столе, полностью преобразил этот юношеский облик.

«Ну что, Михаил Петрович, Соколов-младший», — я едва заметно усмехнулся своему отражению. — «Они думали, что выбросили тебя на помойку истории. Они выжгли твои каналы и лишили имени. Но они даже не подозревают, кого именно они пробудили в этом слабом теле. Мы прочистим все каналы до единого. Мы вернем себе силу, док. И заставим этот мир играть по совершенно новым, хирургически точным правилам».

Я лег обратно на жесткую кровать, закинув руки за голову. До рассвета оставалось еще несколько часов. Предстоящий день обещал быть долгим и суматошным: мне нужно было выйти в город, избавиться от приметного дворянского сюртука, раздобыть простую рабочую

одежду, в которой я смогу слиться с толпой портовых трущоб, и найти лавку алхимика, чтобы купить первые инструменты. Наша большая игра на доске альтернативной Российской Империи только начиналась, и первый ход в ней уже был сделан.

Глава 3 Рынок и лавка алхимика

Утро встретило меня плотным, тяжелым, серым речным туманом, который приполз со стороны грузовых причалов и полностью заполнил весь узкий переулочек за окном доходного дома «Якорь». Погода в этом приморском городе менялась стремительно, и сейчас сырость буквально висела в воздухе, оседая мелкими каплями на закопченных кирпичных стенах соседних пакгаузов. Город просыпался неохотно, лениво, отзываясь далекими гулками гудками паровых фабрик, криками голодных чаек, дерущихся за рыбные потроха у причалов, и глухим грохотом первых телег по булыжной мостовой. Влага проникала сквозь разошедшиеся старые оконные рамы моей комнатухи, оставляя на подоконнике грязные лужицы.

Я поднялся с жесткой железной кровати с глухим, болезненным стоном, который непроизвольно вырвался из груди. Каждая мышца нового, изнеженного тела после вчерашней ночной операции над собственными магическими каналами отзывалась тупой, изнуряющей болью, словно меня долго и методично били палками на конюшне. Спину сводило судорогой, а лоб горел. Но правая рука. Правая рука двигалась на удивление легко, свободно и уверенно. В ней больше не было той прежней, раздражающей вялости, слабости и мертвенного онемения, которые преследовали прежнего Михаила с самого детства. Кровообращение и микроток энергии в предплечье полностью восстановились, кожа приобрела здоровый розоватый оттенок, и это наполняло меня глубокой профессиональной гордостью. Мой первый медицинский эксперимент в этом мире увенчался полным успехом, пусть цена и оказалась чертовски высокой.

Приведя себя в относительный порядок с помощью ледяной, отдающей ржавчиной воды из фаянсового умывальника, я тщательно проверил револьвер. Стальной барабан мягко шелкнул, подтверждая готовность всех шести патронов. Я закрепил тяжелую кожаную кобуру под сюртуком, поправил воротник и медленно спустился вниз по скрипучей деревянной лестнице. Каждая ступенька отзывалась унылым писком, разносящимся по пустому, мрачному вестибюлю доходного дома. Одноглазого хозяина в матросском кителе за стойкой не было — видимо, отсыпался после ночной попойки. Его сменила бледная, забитая девчонка-служанка в сером фартуке, которая испуганно, подобострастно поклонилась мне, когда я проходил мимо в туманную прохладу улицы. Она даже не подняла глаз, продолжая неистово и тупо тереть засаленную деревянную поверхность старой грязной тряпкой.

Я медленно шел через портовые трущобы, кутаясь в полы сюртука. Вокруг высились покосившиеся деревянные бараки, из открытых окон доносился бранный шепот, пахло дешевой сивухой, мазутом и жареной рыбой. Под ногами хлюпала жидкая, зловонная грязь вперемешку с угольной крошкой от проезжавших неподалеку паровых тягачей. Навстречу мне то и дело попадались хмурые кочегары с закопченными дочерна лицами и портовые матросы, возвращающиеся с тяжелой ночной смены в доках. Они провожали меня подозрительными взглядами — мой дорогой, хоть и испачканный сюртук слишком сильно кричал о моем аристократическом происхождении.

Моей первой важной целью стал Нижний рынок — бурлящее, грязное, крикливое, хаотичное и многолюдное место на стыке торговых рядов и огромных портовых складов. Мне нужно было в первую очередь избавиться от приметного дворянского сюртука Соколовых. Человек в дорогой одежде в рабочих кварталах привлекал слишком много ненужного внимания. В любой подворотне меня могли посчитать легкой добычей для местных портовых грабителей или, что еще хуже, ищейки мачехи Анны Викторовны могли зацепиться за этот дворянский след, расспрашивая свидетелей.

На рынке стоял невообразимый, оглушающий гвалт. Продавцы наперебой, сорванными голосами зазывали редких покупателей, пахло соленой сельдью, гнилыми овощами, дегтем и

дешевым махровым табаком, который курили портовые грузчики. Я целенаправленно направился во второй ряд, где под навесами из рваной парусины обретались старьевщики и скупщики краденого. На самом углу, среди хаотичных груд старой поношенной обуви, ржавых железных цепей и дырявых солдатских шинелей, сидел на перевернутом ящике худой, седобородый старик Яков в засаленном кафтане. На его носу едва держались треснувшие очки без одной дужки.

— Ай, какой благородный, красивый барчук забрел в наши скромные, бедные ряды! — притворно всплеснул руками старик, мгновенно оценив качество сукна моего сюртука своим профессиональным взглядом. — Чего изволите, молодой господин? Прекрасные сапоги есть, почти новые, заграничный капитан с марсельского судна оставил за долги! Или, может, часы серебряные с цепочкой интересуют? Для хорошего человека сделаю скидку!

— Мне нужна простая рабочая одежда, при которой я полностью затеряюсь в толпе и не буду выделяться, — спокойно произнес я, расстегивая и снимая сюртук. Я продемонстрировал ему плотное, качественное столичное сукно. — Этот сюртук сшит в лучшем ателье Клана Соколовых. Ткань дорогая, шерсть чистая, швы идеальные. Я готов обменять его на крепкую куртку из сукна, простую серую рубаху, прочные сапоги моего размера и кепку. И сверху ты добавишь мне два серебряных целковых.

Старьевщик Яков мгновенно изменился в лице. Подобострастная улыбка исчезла, его глаза хищно и расчетливо блеснули. Он цепкими пальцами пощупал подкладку моего сюртука, проверил качество швов на плечах, понюхал ткань и тяжело, со стоном вздохнул, начиная картинно причитать на весь рынок, привлекая внимание соседних торговцев.

— Ой, вей, барчук, вы хотите пустить старого, несчастного Якова по миру вместе с его внуками! Какие еще два целковых?! Вы посмотрите на этот сюртук! Он же испачкан в подвальной гнили, на рукаве кровь, его чистить надо три дня самыми дорогими алхимическими составами у аптекаря! Я потеряю на этом обмене свои последние грохи, которые отложил на хлеб! Ладно, только ради вашего благородного лица — я дам куртку, чистую рубаху, сапоги, а вместо серебра добавлю вот эту прекрасную широкую кепку из плотного драпа. Она спасет вашу голову от любого портового ливня и скроет от солнца! Это честный обмен, видит бог!

Я молча, не мигая, посмотрел ему прямо в глаза. Это был холодный, тяжелый и пронзительный взгляд человека, который на Земле видел сотни таких тыловых дельцов во время жестких реквизиций имущества для нужд прифронтовых госпиталей. Яков невольно сглотнул, его уверенность куда-то испарилась, и он отвел взор, понимая, что запугать или обмануть этого «барчука» не удастся.

— Серебро на стол, Яков. Два целковых, или я иду к твоему соседу напротив, — сухо и весомо отрезал я.

Старик недовольно покряхтел, залез куда-то глубоко в пазуху своего кафтана и достал две увесистые серебряные монеты, со звоном опустив их на деревянный ящик. После этого он вытащил из тюков одежду.

Я переоделся прямо за его старой деревянной ширмой, пахнувшей нафталином. Добротная куртка из плотного коричневого сукна оказалась грубой, но прочной и отлично сохраняла тепло. Простая серая рубаха была грубой, но чистой. Тяжелые рабочие сапоги с толстой подошвой и подковами идеально подошли по размеру и надежно защищали ноги от уличной жижи. Широкая кепка из плотного драпа отлично прикрывала верхнюю часть лица и багровый синяк на моем лбу. В таком виде я окончательно слился с толпой мелких конторских служащих, портовых счетоводов или квалифицированных мастеровых. Теперь я был абсолютным невидимкой в этом человеческом муравейнике. Я шел мимо лотков, где продавали ржавые гвозди, старые канаты, керосин и соленую рыбу, чувствуя себя наконец в относительной безопасности от ищеек Клана Соколовых. Начальный этап маскировки был завершен. Я оставил позади шумные и грязные рыночные ряды. Серебряные монеты приятно тяжелили карман

суконной куртки, а добротные рабочие сапоги уверенно печатали шаг по мокрому булыжнику. Теперь, когда маскировка была завершена, пришло время для главного и самого сложного — визита к местным фармацевтам. Мой финансовый ресурс таял, а для дальнейшего восстановления энергетических каналов и пробития тромбов мне требовались специфические химические реактивы, простейшие стимуляторы нервной системы и, самое главное, качественный стальной хирургический инструмент. Нож, украденный со стола доходного дома, для тонких и деликатных манипуляций с живыми человеческими тканями не подходил категорически — им можно было разве что щепу колоть. Мне нужна была безупречная, острая медицинская сталь.

Алхимическая лавка магистра Бруно нашлась на тихой, полупустой улочке чуть поодаль от бурлящей рыночной суеты. Над тяжелой дубовой дверью, окованной потемневшим от сырости железом, висела массивная литая вывеска с рельефным изображением стеклянной реторты и перекрещенных молний. Стоило мне толкнуть створку, как над головой негромко и меланхолично звякнул латунный колокольчик. Внутри помещения царил полумрак, густо пропитанный резкими, бьющими в нос запахами сушеных трав, едкой горючей серы, чистого медицинского спирта и старой, подгнившей бумаги.

Повсюду, куда ни бросишь взгляд, громоздились тяжелые дубовые стеллажи. На их полках ровными, бесконечными рядами выстроились стеклянные банки с заспиртованными частями экзотических магических тварей, сморщенные тушки сушеных летучих мышей и пузатые флаконы с разноцветными, зловеще мерцающими жидкостями. Настоящая кунсткамера альтернативного девятнадцатого века.

За высоким прилавком, полированным до зеркального блеска, стоял сам хозяин заведения — магистр Бруно. Это был сутулый, высокомерный мужчина средних лет в строгом, застегнутом на все пуговицы черном сюртуке и круглых очках с невероятно толстыми стеклами, которые делали его глаза похожими на два огромных шара. В этот момент он как раз принимал посетителя, лениво перебирая стопку счетов и всем своим видом демонстрируя крайнюю степень сословного превосходства над простым человеком.

— Я же вам говорю, любезный, — раздраженно, сквозь зубы и подчеркнуто свысока цедил алхимик, обращаясь к пожилому мужчине в поношенном, залатаном кафтане. — Настойка из корня редкого огнецвета, лично благословленная магом огня третьего ранга — это единственное, что может спасти вашу несчастную супругу. У нее явный и запущенный застой горячей крови в грудном отделе. Ей нужен сильный, концентрированный магический импульс пламени, чтобы окончательно разогнать этот внутренний жар и сжечь болезнь. С вас пятнадцать рублей. Меньше я не возьму, у гильдии строгие тарифы.

Пожилой мужчина тяжело, со свистом вздохнул. Его плечи под кафтаном понуро опустились, а бледные, дрожащие от волнения пальцы начали медленно доставать из потертого кожаного кошелька последние серебряные монеты, бережно отсчитывая их на прилавок.

— Батюшка, магистр Бруно А точно ли поможет это средство? — с глухой, отчаянной надеждой в голосе спросил старик, заглядывая алхимику в лицо. — Ей ведь только хуже от прошлых ваших капель стало. Дышит старуха совсем тяжело, со свистом, кашляет темной кровью, а лихорадка третью ночь подряд не спадает ни на минуту, вся горит как печка.

— Вы что, смеете сомневаться в авторитете Великой гильдии алхимиков?! — сухо вздернул редкие брови Бруно, брезгливо сгребая серебро в открытый ящик стола. — Темнота и невежество — вот ваш главный враг, почтенный. Магия очищает человеческое тело, а не ваши глупые сомнения. Пейте строго по три капли перед сном, не пропуская ни дня. Следующий! Свободное место не задерживайте!

Старик понуро, низко опустив голову, забрал маленький синий флакон и медленным, шаркающим шагом побрел к выходу из лавки. Я же, стоя у соседней витрины, едва сдержался, чтобы не схватить этого очкастого магистра за воротник его холеного сюртука и не высказать

ему все, что я думаю о его «науке». Настолько вопиющей, дремучей и смертельно опасной безграмотности я не ожидал увидеть даже в этом застрявшем в средневековье мире.

«Да у его жены по всем описанным симптомам классическая, запущенная крупозная пневмония в стадии серого опеченения!» — мысленно зафиксировал я анамнез, чувствуя, как внутри закипает чистое профессиональное возмущение ведущего хирурга. — «Сердце несчастной женщины и так работает на пределе возможностей из-за тяжелой интоксикации организма, а этот дипломированный деятель прописывает ей агрессивный тепловой стимулятор! Эта настойка огнецвета мгновенно поднимет артериальное давление и вызовет обширный, необратимый отек легких. Она просто утонет в собственной жидкости из-за медицинского невежества этого шарлатана и слепой веры общества в магические чары!»

В этот момент я окончательно, на конкретном примере осознал, в каком глубоком и пугающем упадке находится местная медицина. Из-за слепой, фанатичной веры в магию стихий и готовые заклинания они полностью, начисто проигнорировали классическую биологию, анатомию и физиологию. Местные лекари лечили внешнее следствие, совершенно не понимая внутренних механических причин болезней. И для меня, как для практикующего врача с огромным земным опытом, здесь открывались по-настоящему безграничные, колоссальные возможности.

— Что вам угодно, молодой человек? — обратился ко мне Бруно, прерывая мои мысли и оценивающе, с явным пренебрежением глядя на мою новую скромную одежду портового рабочего. По его сухому тону было понятно, что со мной он церемониться и разводить политесы не собирается. — Если вам нужны дешевые мази от мозолей, то они в ящике у двери.

Я спокойно подошел к прилавку, сохраняя абсолютно ровное, вежливое, но твердое выражение лица, и поправил козырек кепки.

— Мне нужен определенный и весьма специфический набор товаров, магистр, — спокойно и внятно произнес я, глядя ему прямо в очки. — Раствор йода высокой концентрации, чистый медицинский спирт, несколько унций дистиллированной серной кислоты, лакмусовая бумага и если у вас имеется в наличии, набор качественных стальных инструментов для тонкой препарации и резки. Скальпели, хирургические пинцеты и кровоостанавливающие зажимы.

Алхимик Бруно удивленно, комично округлил глаза за толстыми стеклами своих очков, а затем на его лице появилась пренебрежительная, циничная усмешка. Он окинул меня взглядом с головы до ног, задержавшись на моих мозолистых рабочих сапогах.

— Скальпели? Инструменты для резки живой плоти? Юноша, вы, должно быть, сильно ошиблись дверью или перепутали лавку со скотобойней, — сухо хмыкнул он. — Мы не занимаемся здесь живодерством, коновальством и грязным потрошением. Настоящие имперские лекари исцеляют исключительно благородным наложением рук, чарами света и очищающими эликсирами. Резать человеческое тело металлическими ножами — это удел палачей, коновалов и самых темных чернокнижников из диких земель. Наша высокая наука стоит гораздо выше этого материального мусора и грязной работы.

Я едва заметно улыбнулся, ничуть не уязвленный его словами. Его глупое высокомерие было лучшим и самым наглядным подтверждением моей теории. Местные маги считали физическое, хирургическое вмешательство «низким и грязным делом», полностью упуская из виду механическую и биологическую суть многих патологий.

— И тем не менее, магистр, — я спокойно выложил на деревянный прилавок две тяжелые серебряные монеты, полученные от старьевщика Якова. — Мне нужны эти вещи исключительно для частных химических опытов в домашних условиях. Законы Российской Империи ведь не запрещают свободную продажу спирта и серной кислоты сознательным гражданам? А что касается инструментов уверен, у вас в дальних закромах подсобки найдется старый, забытый набор для препарирования мелких животных, который давно запылел за ненужностью. Назовите вашу цену.

Бруно пристально посмотрел на поблескивающее серебро, затем перевел взгляд на мое лицо. Мой взгляд — холодный, абсолютно уверенный, властный и совершенно не вяжущийся с простой, потертой рабочей курткой портовика — заставил заносчивого алхимика слегка призадуматься. Деньги были хорошими, а товар, который я просил — далеко не самым ходовым в этих краях. Пожевав губами, он нехотя кивнул.

— Ладно, парень, — буркнул он, пряча монеты в ящик. — Кислота и спирт найдутся. А инструменты есть у меня один старый немецкий сундучок, привезли по ошибке из столицы три года назад для одного исследователя, да тот преставился. Лежит без дела, пылится. Подождите здесь, сейчас вынесу.

Он скрылся за тяжелой суконной портьерой, ведущей в подсобные помещения. Я остался один в лавке, внимательно и детально изучая латинские этикетки на ближайших флаконах. Теперь в моей голове окончательно зрел новый, дерзкий и масштабный план. Если местная медицина настолько слепа и беспомощна, то я могу не просто вылечить себя. Я могу открыть подпольную, закрытую практику для тех, кому официальные маги-целители вынесли смертный приговор. Для тех, кого они называли «неизлечимыми», но кого обычный земной стальной скальпель, дренаж и правильный диагноз могут легко вернуть с того света. Это принесет мне огромные деньги, авторитет и полезные связи на всех уровнях городского общества — от портовых банд до высшей знати. А главное — даст колоссальные ресурсы для того, чтобы полностью восстановить свои силы и заставить Клан Соколовых ответить за то, что они со мной сделали. Игра определенно стоила свеч. Магистр Бруно вернулся спустя пару минут, неся в руках тяжелую бутылку из темного стекла и небольшой, покрытый вековой пылью деревянный футляр с латунными защелками.

— Вот, посмотрите, — алхимик со стуком опустил ношу на деревянный прилавок, подняв небольшое облако серой пыли. — Спирт, кислота, как и просили. А в этом ящичке — столичная блажь. Инструменты из какой-то новой заморской стали, которая почти не ржавеет. Прежний хозяин пытался использовать их для вскрытия магических тварей на заставах, да только быстро забросил это дело, магия привычнее. Забирайте за пять целковых, все равно место занимает на полках.

Я аккуратно щелкнул латунными замками и приоткрыл крышку футляра. Внутри, на выцветшем бархате, ровными рядами лежали они — настоящие хирургические инструменты. Два скальпеля со сменными лезвиями, тонкие изогнутые ножницы, анатомический пинцет и пара кровоостанавливающих зажимов. Сталь была превосходного качества, без единой зазубрины. Пальцы сразу вспомнили приятную тяжесть рукояти. Для меня этот невзрачный ящичек сейчас стоил дороже любого магического артефакта.

— По рукам, магистр, — я отсчитал нужную сумму и спрятал футляр во внутренний карман куртки. В этот момент колокольчик над входной дверью неистово зазвенел, и в лавку буквально ворвался тот самый пожилой мужчина, который ушел всего несколько минут назад. Его лицо было бледным как мел, шапка потерялась, а руки тряслись так, что он едва не выронил синий флакон с настойкой огнецвета.

— Магистр Бруно! Помогите! Ради всего святого, помогите! — в панике закричал старик, бросаясь к прилавку. — Ей хуже стало! Прямо у входа на рынок упала! Задыхается, синеет вся, изо рта пена идет! Сделайте что-нибудь, примените заклинание воздуха!

Алхимик Бруно мгновенно нахмурился и брезгливо отшатнулся назад, поправляя очки.

— Любезный, вы в своем уме? Я исследователь и создатель эликсиров, а не практикующий целитель из высшей гильдии! Я не могу накладывать боевые или очищающие чары прямо на улице. Везите ее в городскую лечебницу при храме, пусть там молятся над ней.

— Да не довезет он ее, — холодно и твердо вмешался я, быстро направляясь к выходу из лавки. — При крупозной пневмонии в стадии отека счет идет на минуты. Если сейчас не освободить дыхательные пути, она погибнет прямо на вашей мостовой, магистр.

Старик посмотрел на меня безумными, полными слез глазами, не понимая, кто перед ним — обычный рабочий в кепке или безумец. Но в моем голосе было столько властной, профессиональной уверенности, что он невольно кивнул и бросился за мной на улицу. Бруно, подгоняемый банальным любопытством и страхом, что у его порога умрет человек, тоже выскочил следом.

На грязных булыжниках переулка, прислонившись спиной к стене дома, лежала пожилая женщина. Ее лицо действительно приобрело пугающий, синюшный оттенок, губы потемнели, а из груди вырывался страшный, клокочущий хрип. Она судорожно ловила ртом воздух, но легкие уже были затоплены экссудатом — воспалительной жидкостью. Сердце несчастной работало на износ, не справляясь с удушьем. Вокруг уже начала стремительно собираться толпа зевак из числа торговцев, матросов и грузчиков. Все они испуганно перешептывались, но никто не знал, как помочь уличной покойнице.

— Куда ты лезешь, парень? — испуганно крикнул Бруно со ступенек лавки. — Отойди от нее! Ты сделаешь только хуже! Ей нужно очищающее заклинание воздуха, а не твои дилетантские советы!

— Ваше очищающее заклинание сейчас просто разорвет ей альвеолы, — отрезал я, уже опускаясь на колени прямо в дорожную пыль рядом с женщиной.

Времени на размышления не было. Настоящий врач не выбирает операционную. Мой разум мгновенно переключился в режим экстремальной хирургии. Паника ушла, уступив место ледяному расчету.

Я выхватил из кармана только что купленный деревянный футляр, достал остро заточенный скальпель и бутылочку со спиртом. Щедро плеснув антисептик на лезвие и на свои пальцы, я повернулся к замершему от ужаса старику.

— Держи ее голову. Крепко, чтобы не дернулась. Если хочешь, чтобы она выжила — выполняй, что говорю, и не смей закрывать глаза!

Мои пальцы быстро нащупали на шее женщины критически важный ориентир — щитовидный хрящ, а чуть ниже него — перстневидный. Между ними находилась тонкая коническая связка. Классическая земная коникотомия — операция спасения при острой асфиксии, когда верхние дыхательные пути забиты пеной и мокротой. Главное — зафиксировать трахею анатомическим пинцетом сразу после надреза, чтобы она не спалась, и пациентка не задохнулась окончательно от хлынувшей крови.

— Что ты делаешь, безумец?! Это же чистой воды убийство! Живодерство! Черно книжник! — истошно завопил Бруно, но подойти ближе побоялся. Толпа вокруг ахнула и подалась назад. Муж женщины зажмурился от страха, но продолжал мертвой хваткой удерживать её голову.

Я полностью проигнорировал его крик и гул толпы. Точным, выверенным до доли миллиметра движением я вонзил острое немецкого скальпеля ровно по средней линии шеи, пробивая кожу и коническую связку. Из крошечного разреза брызнула темная венозная кровь, но вслед за этим раздался громкий, свистящий звук — воздух под давлением с шумом устремился напрямую в трахею, минуя забитую пеной горловину.

Женщина конвульсивно дернулась всем телом, из разреза вместе с воздухом вырвался крупный сгусток кровавой воспалительной пены. Я тут же использовал анатомический пинцет, аккуратно расширяя края раны и фиксируя дыхательные пути, чтобы дать ей возможность дышать.

— Дыши, родная, дыши, — тихо шептал я, полностью контролируя пульс на ее сонной артерии.

Спустя полминуты случилось то, что местный алхимик и вся собравшаяся толпа посчитали бы невозможным чудом. Синюшный, мертвенный цвет лица женщины начал стремительно отступать, сменяясь бледным, но уже здоровым румянцем. Жизненно важный кислород

наконец-то пошел в кровь. Судорожные хрипы в груди полностью утихли, дыхание через проделанное мной отверстие стало ровным, глубоким и совершенно спокойным. Она медленно открыла глаза, осмысленно посмотрела на плачущего от счастья старого мужа и слабо, но уверенно сжала его руку.

Я аккуратно зафиксировал края раны чистым носовым платком, поднялся на ноги и убрал инструмент обратно в бархатный футляр. Мои руки были в крови, рабочая куртка испачканна в уличной пыли, но внутри горело ни с чем не сравнимое чувство победы. Прогрессорство работало.

Магистр Бруно стоял на крыльце своей алхимической лавки с разинутым ртом. Его очки сползли на самый кончик носа, а лицо выражало крайнюю степень шока. Он только что своими глазами увидел, как человек без единой капли магии, с помощью обычного куска острой стали, за тридцать секунд вернул с того света ту, кого официальная магическая медицина сочла бы обреченной.

— Ты кто ты такой на самом деле?.. — едва слышно пролепетал алхимик, глядя на меня с суеверным страхом и благоговением.

Я поправил кепку, скрывая лицо в тени козырька от ярких лучей солнца, и посмотрел на него холодным, пронзительным взглядом.

— Я тот, магистр Бруно, кто понимает, как устроено человеческое тело на самом деле. Настоящая наука не нуждается в заклинаниях и вере, чтобы спасти жизни. Запомните это.

Я повернулся и быстрым шагом пошел прочь по переулку, растворяясь в сером городском тумане. Первая экстренная операция в этом мире была завершена. Теперь я точно знал: моя земная профессия — это самое мощное оружие, которое у меня есть. И очень скоро весь этот город заговорит о таинственном лекаре, который творит чудеса без всякой магии.

Я шел обратно в сторону доходного дома, а в голове уже выстраивались контуры будущей медицинской практики. Спасение женщины на глазах у магистра Бруно неизбежно вызовет волну слухов в портовом районе. Для обычных матросов, грузчиков и бедняков, лишенных доступа к дорогостоящим услугам магических гильдий, появление лекаря, способного исцелять без чар, станет настоящим даром небес. Трущобы города Н. кишели болезнями, травмами и инфекциями, с которыми местная медицина даже не пыталась бороться, списывая все на волю стихий или проклятия.

«Нам нужно надежное место», — размышлял я, поправляя кепку. — «Скромная комната в доходном доме не подойдет для полноценного приема пациентов. Нужен заброшенный склад, подвал или пакгауз в самом сердце порта, где люди Мартына или контрабандисты смогут обеспечить мне прикрытие. Но главное — инструменты. Сегодняшний сундучок Бруно — это лишь капля в море. Нужны реактивы, чистая марля, гипс, дренажные трубки и шовный материал».

Я засунул руки в карманы куртки, нащупывая кошелек с оставшимся золотом. Мой финансовый ресурс таял, но уверенность в успехе только крепла. Местные обыватели должны были понять: стальной скальпель в руках знающего анатомию человека — это гораздо эффективнее, точнее и надежнее, чем слепое наложение рук целителей. Я собирался устроить здесь настоящую технологическую революцию, сломав монополию Великих Кланов на жизнь и смерть простых людей.

Когда я заглянул в свой переулок, туман начал постепенно рассеиваться под первыми лучами полуденного солнца. Город Н. продолжал жить своей суетливой, паровой и шумной жизнью, даже не подозревая, что на его окраине появился человек, способный переписать все правила этой империи. Мой хирургический путь в этом мире только начинался, и первый шаг к созданию подпольной клиники будущего был сделан успешно. Оставалось лишь дожидаться ночных гостей, которых неизбежно призовут слухи о таинственном докторе Михаиле. Приливная волна новой эпохи неумолимо приближалась к этим берегам, ведомая лезвием моего ножа.

Мне предстояло преодолеть еще множество трудностей, ведь старая система медицинских гильдий не потерпит конкуренции от того, у кого нет официального патента. Но их законы написаны для магов. Для человека, который видит тело как сложную биологическую машину, эти правила — пустой звук. Я найду способ обойти их запреты, найду союзников среди тех, кто устал платить золотом за фальшивые эликсиры. Шаг за шагом, операция за операцией, я построю свою цитадель, и Клан Соколовых еще пожалеет о том, что посчитал меня бесполезной пустышкой. Моя серебряная искра, скрытая до поры до времени, станет хирургическим инструментом, меняющим саму судьбу. С этой мыслью я толкнул тяжелую входную дверь «Якоря», готовый к дальнейшей борьбе.

Глава 4 Ночной гость

Слухи в рабочих кварталах города Н. распространялись быстрее, чем пожар в сухую погоду. Не прошло и трех дней с момента моего вынужденного публичного выступления у лавки магистра Бруно, как тихий доходный дом «Якорь» перестал быть для меня абсолютно безопасным убежищем. Мой точный надрез на шее задыхающейся женщины произвел слишком сильное впечатление на местную публику. В портовых тавернах и на рыночных площадях люди шепотом пересказывали историю о таинственном юноше, который «одним движением пальцев усыпил здорового мужика, а затем железным шилом вернул покойницу с того света, не произнеся ни единого слова молитвы». Для набожных и суеверных обывателей портовых окраин это пахло либо истинным святым чудом, либо самым мрачным чернокнижием.

Всю вторую половину недели я безвылазно сидел в своей крошечной комнатке под номером двенадцать. Я методично, унция за унцией, смешивал купленные у Бруно химические реактивы, готовил простейшие антисептические растворы, перетирал сушеные травы и продолжал изнурительную, ювелирную работу над собственным телом. Мне удалось пробить еще два мелких энергетических узла — в районе левого запястья и у самого основания шеи. Боль каждый раз была такой чудовищной, что темнело в глазах, а зубы крошились, сжимая платок, но результат стоил всех перенесенных мучений. Источник в солнечном сплетении теперь пульсировал ровно, а по телу то и дело разливалось приятное, живое тепло. Физические силы постепенно возвращались к Михаилу Соколову, вернее, к тому, кто теперь занимал это слабое дворянское тело.

Правда, мои запасы серебряных и золотых монет, столь удачно добытых у незадачливых графских наемников в подвале, неумолимо таяли с каждым часом. Покупка качественных столичных инструментов из нержавеющей стали, дефицитного медицинского спирта, серной кислоты и новой суконной одежды обошлась мне недешево. В кожаном кошельке оставалось от силы пара золотых рублей и несколько мелких целковых монет. Нужно было срочно искать постоянный, надежный источник дохода, и желательной такой, который не привлек бы к моей скромной персоне внимание ищеек Клана Соколовых или патрулей городской стражи. Мне требовалось легализоваться на самом дне этого города, создав себе надежное прикрытие.

От насущных размышлений меня отвлек странный, едва слышный звук, донесшийся со стороны общего длинного коридора. Секундная стрелка моих внутренних часов, воспитанная десятилетиями ночных госпитальных дежурств и экстренных вызовов, мгновенно заставила меня подобраться.

Было далеко за полночь. Весь доходный дом «Якорь» давно спал глубоким сном, лишь изредка за тонкими деревянными перегородками доносился тяжелый, надрывный храп портовых работяг или писк голодных крыс под половицами. Но этот новый звук был совершенно другим. Легкий, осторожный, крадущийся шорох шагов по старым доскам, который внезапно прекратился ровно напротив моей двери. Кто-то подошел вплотную и замер, выжидая.

Я абсолютно бесшумно поднялся с жесткой кровати, одним слитным, отточенным движением выхватил из-под подушки тяжелый армейский револьвер и плавно взвел массивный курок. Сухой щелчок механизма потонул в глухом шуме проливного дождя, непрерывно барабанившего по оконному стеклу. Я встал чуть сбоку от дверного проема, держа заряженное оружие на уровне груди гипотетического ночного противника. На войне, в криминальных кварталах и в экстремальной медицине полумер не бывает — нужно быть готовым ко всему.

В дверь негромко постучали. Три коротких, размеренных и очень аккуратных удара. Негромко, чтобы не разбудить соседей, но крайне настойчиво.

— Кто там? — тихо спросил я, не меняя своей боевой позиции и не опуская револьвер.

— Господин лекарь? — раздался из-за толстой двери незнакомый, хрипловатый, но подчеркнуто вежливый и спокойный мужской голос. — Мне знающие люди сказали, что именно в этой комнате обретается человек, который умеет чинить человеческую плоть без церковных молитв, святой воды и бесполезных гильдейских чар. Откройте, пожалуйста. У нас есть к вам дело. Очень срочное, смертельно опасное и крайне прибыльное для вас.

Я на секунду задумался, взвешивая все за и против. Нападать через запертую дверь профессиональные убийцы или городская стража не стали бы — слишком много шума, да и засов у меня был надежный. Да и сам тон пришедшего ночного гостя был скорее просящим и деловым, чем открыто угрожающим.

— Руки держите так, чтобы я их сразу видел, когда войдете, — предупредил я, левой рукой аккуратно отодвигая массивный железный засов.

Дверь медленно приоткрылась, со скрипом повернувшись на старых, давно несмазанных петлях. На пороге стоял высокий, очень крепко сбитый мужчина в мокром от дождя тяжелом кожаном плаще с глубоким капюшоном. Его лицо до самой половины было скрыто темным шерстяным шарфом, но из-под кустистых седых бровей на меня смотрели цепкие, умные и совершенно спокойные глаза человека, который привык ежедневно отдавать приказы и управлять толпой. На его широком поясе я сразу заметил рукоять короткого абордажного кортика, но руки незнакомца были демонстративно подняты на уровень его плеч, ладонями вперед. Оружие против меня он применять явно не собирался.

За его широкой спиной, в темном неосвещенном коридоре проходного дома, смутно маячила еще одна человеческая фигура — пониже, но гораздо шире в плечах, выполняющая, судя по всему, роль бдительного телохранителя.

— Доброй ночи, господин лекарь, — ночной гость вежливо наклонил голову, совершенно спокойно и равнодушно взглянув на вороненое дуло моего армейского револьвера, направленное ему прямо в переносицу. — Рад видеть, что вы проявляете разумную осторожность на новом месте. В наших краях без этого навыка долго не живут. Могу я наконец войти в комнату? Наш разговор точно не предназначен для чужих ушей.

Я сделал короткий шаг назад вглубь помещения, освобождая проход, но заряженное оружие по-прежнему не опустил, контролируя каждое его движение.

— Входите. Но ваш спутник пусть останется на страже за дверью. В этой крошечной комнате слишком мало места для троих здоровых мужчин.

Мужчина едва заметно кивнул своему охраннику, уверенно проскользнул внутрь комнаты и очень аккуратно, без лишнего шума прикрыл за собой дверь, задвинув засов обратно. Он не стал нагло озираться по сторонам, оценивая мою нищенскую обстановку, а сразу сфокусировал весь свой взгляд на мне.

— Меня зовут шкипер Мартын, — спокойно представился он, снимая мокрый капюшон и разматывая шарф, открывая коротко остриженную голову с глубоким белым шрамом на левом виске. — Я официально представляю интересы скажем так, определенных свободных торговых, артельных и теневых кругов нашего Нижнего порта. Тех самых кругов, которым официальные магические гильдии, целители империи и храмовые лечебницы предпочитают заламывать совершенно неподъемные цены или вовсе брезгливо отказывать в помощи, считая нас людьми второго сорта.

— И какое же именно дело привело уважаемого шкипера Мартына в мою скромную обитель в такой поздний час? — спросил я, плавно опуская револьвер стволом вниз, но все еще не убирая указательный палец со спускового крючка.

Мартын тяжело вздохнул, его суровое лицо мгновенно осунулось, и он сделал шаг ближе к колченомому деревянному столу.

— Мой названный брат, командир нашей портовой грузчицкой артели, Николай. Молодой парень, сильный как бык. Вчера вечером на дальних закрытых складах случилась страшная

беда — оборвался трос, и сорвался тяжелый паровой погрузчик. Парню намертво придавило правую ногу массивной железной балкой. Кость раздроблена в щепки, шкуру порвало, кровь мы остановили жгутами кое-как, но сейчас у него начался сильнейший жар. Он бредит, нога раздулась выше колена и начала стремительно темнеть, пахнет дурно.

Я нахмурился. Описанные симптомы были классическими, предельно понятными и крайне опасными для жизни. Гангрена.

— И почему же вы сразу не обратились к официальным городским целителям? В центре есть огромная храмовая больница, там принимают магов медицины.

На лице шкипера Мартына появилась горькая, полная глубокого презрения и злобы усмешка.

— Обратились, доктор, еще как обратились. Магистр целительства первого ранга в золотой мантии взглянул на рану, брезгливо поморщился, зажал нос платком и сказал, что «искра жизни» уже полностью покинула конечность. Заявил, что его светлая магия тут бессильна, поскольку в плоти началось трупное гниение, и единственное, что он может сделать — за тридцать золотых рублей отпустить несчастному грехи перед скорой смертью, чтобы тот на том свете не мучился. Тридцать рублей за то, чтобы просто постоять рядом и посмотреть, как молодой здоровый парень умирает в дикой агонии!

Шкипер шагнул еще ближе к столу, и в его единственном глазу блеснула отчаянная, фанатичная надежда.

— А сегодня утром на Нижнем рынке мне добрые люди рассказали про чудодейственного коновала в простой рабочей кепке. Про то, как вы у лавки Бруно за полминуты спасли задыхающуюся старуху, просто хладнокровно прорезав ей шею ножом и впусив воздух в легкие. Магистр Бруно до сих пор ходит сам не свой, крестится и твердит всем, что это было чистое чернокнижие и кощунство. Но я человек практичный, всю жизнь на кораблях провел. Я сразу понял, что вы умеете лечить людей руками, умом и сталью там, где эти заносчивые магистры пасуют и умывают руки. Вы видите саму суть раны.

Мартын решительно залез во внутренний глубокий карман своего кожаного плаща и с глухим, весомым стуком опустил на колченогий стол увесистый, туго набитый кожаный кошель. Судя по характерному металлическому звуку, внутри находилось исключительно золото высокого качества.

— Здесь ровно пятьдесят золотых рублей, господин лекарь, — глухо, но очень твердо произнес шкипер портовой артели. — Это все, что наша артель смогла собрать за вечер по всем тайным кассам. Спасите парня, у него дома мать старая осталась. Если нужно полностью отрезать ему ногу, чтобы он просто остался в живых — отрезайте к чертовой матери, мы скинемся и сделаем ему лучший деревянный или паровой протез. Но не давайте ему умереть на наших глазах. Если вытащите Николая с того света — портовые рабочие всего города Н. станут вашим личным щитом, броней и надежной опорой. Ни одна ищейка Клана Соколовых, ни один жандарм в этом городе никогда не найдет вас в наших трущобах, если портовое братство этого не захотит. Мы умеем прятать своих людей так, что сама земля их след теряет.

Пятьдесят золотых имперских рублей. Для беглого, лишнего наследства «пустышки», у которого в карманах рабочих брюк оставались лишь последние медяки, это было по-настоящему целое состояние. Но куда важнее этих блестящих кругляков для меня сейчас были слова шкипера Мартына о защите, укрытии и связях в криминальном порту. Порт — это главные ворота из города. Это контрабанда, это огромные тайные склады, это люди, которые умеют молчать, держать свое слово и без лишних вопросов пускать в ход ножи и кастеты. Именно такая мощная теневая база мне и была нужна для начала моей масштабной игры против мачехи и всей системы магических гильдий.

А что касается самого медицинского случая Раздробленная конечность, открытый перелом, сильнейший жар, стремительное потемнение мягких тканей и гнилостный запах. Клас-

сический открытый перелом голени, осложненный острой анаэробной инфекцией — газовой гангреной. На Земле в моих условиях полевого госпиталя при такой картине медлить нельзя было ни единой секунды — токсины бактерий разрушают почки и сердце за часы.

Я решительно спрятал револьвер обратно в кобуру под сюртуком и подошел к столу, забирая увесистый кошель с золотом. Настоящий врач никогда не отказывается от безнадежного больного, если есть хоть один шанс из тысячи.

— Мне понадобится мой деревянный сундучок с инструментами, чистый спирт и раствор йода, которые я вчера купил у алхимика Бруно, — спокойно, собранно и очень холодно произнес я, глядя Мартыну прямо в глаза. Мой голос мгновенно сменился на тон ведущего хирурга перед сложной операцией. — И еще несколько условий, шкипер. Мне нужно будет очень много чистого кипятка, не менее трех больших котлов, чистые льняные простыни или парусина, много ярких ламп и двое самых крепких ваших парней, чтобы намертво держать пациента во время манипуляций. Наркоза у меня нет. Операция будет долгой, грязной, адски болезненной и потребует от всех нас железных нервов. Вы и ваши люди готовы выполнять мои приказы беспрекословно?

Шкипер Мартын облегченно, со свистом выдохнул воздух через нос, и на его суровом, обветренном лице впервые за весь вечер появилась жесткая, но абсолютно искренняя улыбка. Он понял, что нашел того, кого искал.

— Мои парни готовы ко всему, лекарь Михаил. Карета с закрытыми шторами уже ждет внизу в глухом переулке. Поспешим, пока город спит и стража не сменила патрули. Время дорого.

Дорога до Нижнего порта заняла не более двадцати минут. Закрытая карета шкипера Мартына, запряженная парой мощных вороных тяжеловозов, быстро и бесшумно неслась по темным, полностью залитым ночным дождем улицам. Колеса глухо стучали по мокрой булыжной мостовой, а редкие электрические фонари размазывали свой желтый свет по стеклам окон. Я сидел в абсолютном молчании, крепко сжимая в руках свой деревянный сундучок с инструментами и тяжелые бутылки со спиртом. Мой разум уже вовсю просчитывал варианты предстоящего хирургического вмешательства, отбрасывая эмоции.

Мы остановились у массивных деревянных ворот старого кирпичного пакгауза на самой окраине портовой зоны, у самой воды. Мартын коротко, по-особому свистнул три раза. Ворота тут же приоткрылись, и карета быстро въехала внутрь, в сырой полумрак огромного помещения, насквозь пропитанного запахами соли, дегтя, угля и прелой рогожи.

В самом дальнем углу склада, за высокими штабелями ящиков, ярко горели несколько мощных керосиновых ламп. Там, на широком дубовом верстаке, наспех накрытом чистой парусиной, лежал раненый парень Николай. Это был совсем молодой грузчик, лет двадцати, с сильным, очень крепким телом портового гиганта. Сейчас его кожа казалась мертвенно-белой, покрытой крупными каплями холодного пота. Он судорожно, конвульсивно метался по столу, глухо, несвязно бредил и хватал ртом воздух, теряя сознание от нарастающей интоксикации.

Вокруг верстака стояли трое хмурых, широкоплечих артельщиков в испачканных кожаных фартуках. При виде меня в куртке и кепке они невольно расступились, с явным сомнением и недоверием разглядывая мою слишком молодую и скромную фигуру.

— Вот, привез, — коротко бросил Мартын, решительно скидывая мокрый плащ на ящик. — Это доктор Михаил. Живо выполняйте все его команды, если хотите, чтобы Колька выжил. Кипяток готов?

— Да, шкипер, два огромных котла только с огня сняли, бурлит вовсю, — глухо отозвался один из рабочих, косясь на мой латунный сундучок.

Я подошел к верстаку, решительно скинул куртку, оставшись в одной простой рубаше, и завернул рукава выше локтей. Отрезав ножом штанину брюк раненого, я полностью открыл

место повреждения. Увиденное заставило бы любого местного обывателя или алхимика содрогнуться от глубокого ужаса.

Голень правой ноги в средней трети превратилась в сплошное, уродливое месиво из разорванных мышц, сухожилий и огромных гематом. Из рваной раны сиротливо и остро торчали серые осколки большеберцовой кости. Самое скверное — ткани вокруг травмы уже успели приобрести характерный, ни с чем не сравнимый серовато-зеленый оттенок, а из раны шел тяжелый, сладковатый запах разложения плоти. Воспалительный плотный отек дошел почти до коленного сустава. Полноценная газовая гангрена на фоне тяжелейшего открытого перелома.

«Классика военно-полевой хирургии времен земных войн», — мысленно резюмировал я, осторожно ощупывая края раны пальцами. Мои пальцы зафиксировали отчетливый, тихий хруст под кожей — подкожную крепитацию, признак скопления газов в тканях. — «Местный магический целителюшка был прав в одном: его светлая магия тут бессильна. Его заклинание просто запечатывает инфекцию внутри фасциальных футляров, вызвав мгновенный сепсис и смерть от шока. Но ампутировать ногу мы не будем. Парень молодой, портовик, без ноги он просто пропадет в этих трупобах. Мы проведем радикальную некрэктомию, удалим всю гниль, промоем антисептиками и соберем кость вручную».

— Слушать мою команду, — властно и очень громко произнес я, оборачиваясь к замершим артельщикам. Мой голос в эту секунду прозвучал как металл, не терпящий ни малейших возражений или сомнений. — Вы двое — ложитесь на него сверху, держите его за плечи, грудь и здоровую ногу. Намертво. Из рук не выпускать, как бы он ни вырывался и ни кричал. Если отпустите — он дернется, и я перережу ему скальпелем крупную артерию. Мартын, бери чистую простыню, обильно смачивай кипятком и протирай этот верстак вокруг раны. Быстрее! Время пошло!

Мужчины, поддавшись моему ледяному, абсолютному спокойствию и командирскому тону, мгновенно, без единого лишнего слова бросились выполнять приказы.

Я открыл свой заветный сундучок с инструментами. Достал самый большой скальпель, пинцет, иглодержатель и несколько кровоостанавливающих зажимов, щедро залил их чистым медицинским спиртом прямо над тазом, а затем тщательно, по всем правилам хирургии обработал свои собственные руки. Наркоза в этом отсталом мире не существовало — вернее, были ментальные магические заклятия сна, но мне они сейчас были недоступны. Придется оперировать по-живому, уповая лишь на феноменальную скорость своих рук и физическую выносливость молодого пациента.

— Держите его крепко, — выдохнул я через нос, беря в правую руку скальпель. В ту же секунду я почувствовал, как по моим прочищенным каналам правой руки к кончикам пальцев устремился тонкий, едва заметный, но очень приятный поток серебряной магии Соколовых. Настоящей боевой силы в нем еще не было, но он дал моим пальцам абсолютную, сверхъестественную стабильность, чувствительность и полностью убрал малейший тремор. Я чувствовал сталь инструмента как продолжение собственного тела.

Я сделал первый, глубокий и длинный надрез вдоль голени.

Парень Николай на столе мгновенно дико, истошно закричал, его мощное тело выгнулось дугой, сухожилия натянулись, но крепкие руки портовых гигантов мертвой хваткой прижали его обратно к парусине верстака. Я хладнокровно не обращал никакого внимания на его крики и стоны. Для меня в эту минуту существовала только рана, только анатомические слои, мышцы, сосуды и нервные стволы.

Мой скальпель двигался с молниеносной быстротой и точностью. Я методично, слой за слоем, полностью иссекал все мертвые, потемневшие и загноившиеся участки мышц и фасций, открывая путь здоровой, яркой алой крови. Стальные зажимы один за другим с тихим шелчком ложились на поврежденные кровеносные сосуды, мгновенно останавливая кровотечение. Артельщики смотрели на мои действия с суеверным, безмолвным ужасом — они никогда в

своей жизни не видели, чтобы живое человеческое тело резали с такой хирургической элегантностью, скоростью и пугающим, ледяным хладнокровием. Для них это выглядело как магия совершенно иного, высшего порядка.

Спустя пятнадцать минут самая грязная и тяжелая часть работы была позади — вся некротическая, пораженная гангреной ткань была полностью удалена из раны до здоровых краев. Теперь оставалось самое сложное: разрушенная кость. Осколков было много, но крупные фрагменты большеберцовой кости, к счастью, оставались целыми. Используя анатомический пинцет и свои пальцы, я аккуратно, словно собирал сложнейшую мозаику, начал сопоставлять края раздробленной кости, полностью восстанавливая её естественную анатомическую ось. Металлической пластины или штифта у меня не было, поэтому я применил старый, проверенный временем метод фиксации с помощью глубокого дренирования раны и жесткого наружного шинирования.

— Мартын, давай сюда весь оставшийся спирт и йод! Лей прямо в рану! — скомандовал я, прочно удерживая соединенные костные фрагменты.

Я обильно, не жалея материалов, залил глубокую рану антисептиком. Пациент Николай на столе снова судорожно вздрогнув всем телом и окончательно провалился в глубокий, спасительный обморок от сильного болевого шока — сейчас для продолжения операции это было даже к лучшему, его мышцы полностью расслабились. Закончив с обработкой, я аккуратно, послойно ушил все жизнеспособные мышечные ткани тонкими шелковыми нитями, оставив несколько чистых полотняных полосок в качестве выпускных дренажей для оттока раневого отделяемого.

— Теперь несите сюда ровные, крепкие деревянные доски и чистые бинты. Нужно плотно зафиксировать всю ногу от самого бедра до лодыжки, чтобы ни один сустав не мог двигаться, — устало произнес я, вытирая обильный пот со своего лба окровавленным левым предплечьем.

Когда нога молодого грузчика была плотно, правильно забинтована между двух деревянных шин, я обессиленно опустился на колченогий стул у верстака. Моя простая рубаха была насквозь мокрой от пота, пальцы рук мелко дрожали от колоссального нервного и физического напряжения, а новые магические каналы в предплечье глухо поднывали от непривычной нагрузки. Но внутри моего разума царил абсолютное опустошение, покой и профессиональное удовлетворение. Тяжелый долг врача был выполнен безупречно.

Артельщики молча стояли вокруг верстака, переводя ошарашенные взгляды с ровно дышащего, спокойно спящего Николая на меня. Воспалительный отек на его ноге уже визуально начал спадать, а кожа пальцев приобрела нормальный, живой розоватый цвет. Лихорадочный бред полностью прекратился.

Шкипер Мартын медленно подошел ко мне со спины. Он посмотрел на мои окровавленные руки, затем на свой кожаный кошелек с золотом, по-прежнему лежащий на краю стола, и уважительно, по-флотски снял передо мной свой суконный картуз.

— Я видел много разных магических целителей в своей жизни, доктор Михаил, — тихо, с огромным, глубоким уважением сказал шкипер портовой артели. — Видел, как маги из высших аристократических кланов лечат легкие раны и порезы за пару секунд своей силой. Но я никогда в жизни не видел человека, который мог бы вот так, простыми руками и стальным ножом, оспорить окончательное решение самой смерти. Ты не просто спас парню ногу. Ты вернул нашей артели любимого брата.

Он протянул мне свою широкую, мозолистую от канатов ладонь.

— Слово шкипера Мартына крепкое, как корабельный канат. Пятьдесят золотых рублей — это лишь честная плата за твою работу. Но с этой самой ночи ты официально находишься под полной защитой всего Нижнего порта. Если тебе понадобится просторное жилье, тайное убежище, верные люди, оружие или важная информация — только шепни мне. Мои парни расшибятся в лепешку, но сделают все в лучшем виде. Как твое полное имя, лекарь?

Я крепко пожал его мозолистую ладонь, чувствуя, как в эту минуту закладывается прочный фундамент моего будущего могущества и безопасности в этом огромном городе.

— Зови меня просто доктор Михаил, шкипер, — спокойно ответил я, поднимаясь со стула и начиная собирать инструменты. — И давай приберем здесь весь этот кровавый беспорядок. Пациенту сейчас нужен абсолютный покой, а мне — кружка крепкого чая и пара часов отдыха. Завтра на рассвете я приду снова, чтобы лично проверить состояние его раны и поменять дренажи. Наша клиника начинает свою работу.

Глава 5 Подпольный госпиталь и стальная роза

Обустройство моей новой медицинской резиденции в Нижнем порту шло по-настоящему ударными, стахановскими темпами. Шкипер Мартын полностью сдержал свое купеческое слово, подкрепленное суровым авторитетом всего портового братства. Уже к вечеру следующего дня после нашего ночного уговора мне выделили изолированное, просторное и абсолютно сухое помещение на втором этаже того самого старого кирпичного пакгауза, где я так удачно и хладнокровно спас от неминуемой смерти молодого артельщика Кольку. Раньше в этих крепких стенах располагалась контора старшего приказчика, так что комната была отлично защищена от всепроникающей портовой сырости и речных сквозняков. Здесь была установлена прочная дубовая дверь, массивные глухие деревянные ставни на окнах, полностью скрывающие свет ламп от случайных прохожих, и отдельная большая дровяная печь, которая позволяла круглосуточно поддерживать внутри идеальную операционную температуру.

По моему детальному, до миллиметра выверенному чертежу местные портовые умельцы-плотники за несколько часов соорудили массивный, безупречно гладкий операционный стол из мореного дуба. Мы накрыли его несколькими слоями свежей, тщательно прокипяченной и высушенной парусины. В углу комнаты на полную мощность круглосуточно работали два огромных медных куба, соединенных с печью — они служили для непрерывного получения крутого кипятка и перегретого пара для стерилизации белья. На крепких деревянных полках вдоль стен ровными, аккуратными рядами выстроились стеклянные флаконы со спиртом, темными растворами йода и очищенными кислотами. Мой столичный хирургический набор из заморской нержавеющей стали, купленный у Бруно, блестел в лучах масляных и керосиновых ламп, готовый к работе в любую секунду. Это была первая во всем этом огромном мире подпольная клиника, где балом правила не слепая магия стихий или храмовые молитвы, а точная земная анатомия, жесткая логика и строгие правила гигиены.

Мой первый официальный пациент, молодой грузчик Колька, быстро и уверенно шел на поправку, доказывая превосходство земных методов. Прогрессирующая гангрена голени полностью отступила перед радикальной некрэктомией, постоянным агрессивным промыванием антисептиками и жесткой фиксацией. Лихорадочный жар полностью спал, рваные ткани очистились от гноя, и парень уже вовсю пытался шевелить пальцами спасенной ноги. Он сидел на лавке внизу, весело шутил и требовал у товарищей по артели двойную порцию флотского гуляша с хлебом. Портовые рабочие теперь смотрели на меня не просто с глубоким уважением, а с каким-то суеверным почтением и благоговением. Они шептались за моей спиной, называя между собой исключительно «доктором Михаилом» и считая истинным гением плоти.

Сам я тоже не терял драгоценного времени даром, используя каждую свободную минуту. Каждую ночь, заперев дубовую дверь на массивный железный засов и оставаясь в абсолютном одиночестве, я продолжал изнурительные, полные адской, первобытной боли сеансы самолечения. Мой серебряный источник магии структуры в солнечном сплетении, получив свободу после пробития первых плечевых магистралей, теперь напоминал не усыхающий комок, а уверенно и мощно бьющееся серебряное сердце. Я сумел полностью, до самого основания очистить проводящие каналы левой руки и частично — весь грудной отдел. Древняя магия рода Соколовых, которую все столичные целители и магистры гильдии в один голос считали безвозвратно выжженной от рождения, медленно, но верно возвращалась в мое распоряжение. Теперь, концентрируя волю, я мог не только убирать тремор пальцев во время деликатных манипуляций, но и отчетливо видеть через внутреннее зрение тончайшие энергетические потоки и воспалительные очаги внутри чужих тел. Мой взор превращался в хирургический инструмент.

Шел шестой день моей новой, скрытной жизни в Нижнем порту. Время на часах уже уверенно близилось к полуночи. На улице бушевал сильный, яростный осенний шторм, тяжелые капли холодного дождя неистово и с грохотом колотили по железной крыше пакгауза, а порывистый ветер завывал в портовых кранах и снастях кораблей, словно раненый дикий зверь. В комнате было тепло и сухо, приятно пахло березовыми дровами и антисептиками. Я спокойно сидел у натопленной печи, лениво потягивая крепкий травяной чай и набрасывая в своем рабочем блокноте подробные схемы расположения лимфатических узлов применительно к местной магической проводящей системе. Мне нужно было до конца понять, как бактериальная инфекция взаимодействует с энергетическими потоками магов, чтобы научиться блокировать воспаления за секунды.

Внезапно снизу, со стороны темного первого этажа склада, раздался глухой, встревоженный гул мужских голосов, который быстро и шумно приближался к моей деревянной лестнице. Послышался частый топот тяжелых сапог. Затем последовал тяжелый, панический и неистовый стук в дубовую дверь, от которого задрожали железные засовы.

Я мгновенно поднялся со своего стула, плавно отставляя кружку в сторону. Револьвер, привычно покоившийся в кожаной кобуре под левой мышкой, сам прыгнул в ладонь, а массивный курок взвелся с сухим, едва слышным щелчком. На портовых окраинах ночные гости редко приносили хорошие новости, и расслабляться было нельзя ни на секунду — это правило я заучил еще на Земле.

— Доктор Михаил! Открывайте скорее, ради всего святого! — раздался за дверью тяжело дышащий, срывающийся от волнения и паники голос шкипера Мартына. — Беда у нас колоссальная, док! Очень важный гость у ворот, на самой грани жизни и смерти! Только ты можешь спасти!

Я аккуратно спрятал взведенное оружие за спину и левой рукой легким движением отодвинул массивный засов. Тяжелая дверь резко распахнулась, впустив в теплую комнату струю холодного, пахнущего речной грозой воздуха и брызги дождя. Шкипер Мартын буквально ввалился внутрь, его кожаный плащ блестел от влаги, а за его широкой спиной двое рослых портовых артельщиков аккуратно и бережно несли на руках человеческую фигуру, полностью завернутую в дорогой, но насквозь промокший шелковый плащ. Они по моей беззвучной указке уложили ношу на операционный стол, тяжело и прерывисто дыша от перенапряжения.

— На самом дальнем причале их перехватили, доктор, — быстро, глотая слова от сильного волнения, заговорил шкипер, пока рабочие суетились вокруг дубового стола, вытирая руки. — На их закрытую богатую карету напали неизвестные прямо у главного въезда в нашу портовую зону. Кучер убит на месте пулей в голову, охрана легла вся до единого человека в короткой перестрелке. Этот парень, раненый телохранитель, еле вывез её из-под обстрела на хромой лошади. Она из Великих КЛАНОВ, доктор Михаил! Дочь самого графа Громова, Елена Петровна! Если она сейчас умрет у нас на складах, Клан Громовых сотрет весь Нижний порт в порошок, алгоритмы стражи нас из-под земли достанут и казнят без суда как соучастников! Делай что-нибудь, умоляю!

Я решительно подошел к операционному столу, отложив револьвер на край полки. Мой мозг мгновенно переключился в режим ледяного клинического анализа, полностью отсекая лишние эмоции, страхи и политические последствия. На столе лежал экстренный пациент, и всё остальное в этом мире перестало существовать. Я решительно подошел к операционному столу, краем глаза заметив, как за спинами артельщиков покачивается от слабости тот самый выживший гвардеец-телохранитель. Его левое плечо было разворочено пулей, а из разорванного рукава мундира непрерывно текла густая кровь, но парень упрямо цеплялся за косяк двери, не смея потерять сознание.

— Мартын, займись парнем, — коротко бросил я, не оборачиваясь и уже протягивая руку к лотку с инструментами. — Перетяни ему плечо жгутом, обработай спиртом и усади на

стул в углу. Пусть не мешается под ногами. Вы двое — подкатите ближе керосиновые лампы и держите их так, чтобы я видел каждый миллиметр стола. И не дай бог у кого-то из вас дрогнет рука.

Я подошел к лежащей девушке и одним резким движением сорвал с неё насквозь промокший, испачканный в дорожной грязи и крови шелковый плащ. Под ним оказалось дорогое бальное платье, разорванное на груди. Передо мной лежала молодая девушка лет девятнадцати. Её лицо, обрамленное промокшими золотистыми локонами, было бледнее мрамора, а губы приобрели зловещий, отчетливый синюшный оттенок, говорящий об острой гипоксии — её организму критически не хватало кислорода. По шее, нежной коже лица и щекам тонкими, уродливыми пульсирующими змейками проступали неестественные, иссиня-черные вены, словно под запредельным давлением наполненные чернилами.

Но самая жуткая и пугающая картина открылась, когда я полностью обнажил её грудную клетку. Прямо над областью сердца, ломая аристократические очертания тела, кожа огрубела, превратившись в жесткую, темно-серую чешую. Она отчетливо отливала холодным антрацитовым блеском и больше всего напоминала необработанный кусок грубого металла. От этого жуткого новообразования во все стороны расходились тонкие, острые стальные нити-иглы, которые буквально прорастали сквозь живую плоть, пробивая эпидермис и стремясь проникнуть вглубь грудины, прямо в область миокарда. При каждом слабом ударе сердца этот металлический каркас едва заметно вибрировал, издавая едва слышный, жуткий хрустальный скрежет.

— Это это проклятие Стальной Розы — прохрипел из угла раненый гвардеец, пока Мартын туго затягивал на его плече чистый полотняный жгут. — Клан Морозовых Они устроили засаду на мосту и применили запретное темное артефактное плетение высшего ранга. Металлическая опухоль пожирает её магические проводящие каналы. Храмовые целители в центре сказали, что нужно минимум три дня на подготовку очищающего ритуала, но она не проживет и часа. Сердце сердце полностью остановится, как только сталь прорастет внутрь сердечной сумки. Умоляю, сделайте что-нибудь! Граф Громов озолотит вас, выполнит любое требование!

Я проигнорировал его панические излияния, закрыл глаза и глубоко вдохнул, настраиваясь на внутренний источник. Концентрируя волю, я пустил по своим идеально очищенным каналам правой руки мощный, но контролируемый серебряный импульс магии структуры. Когда я снова открыл глаза, окружающая реальность подернулась плотной серебристой дымкой — включилось мое внутреннее зрение на глубинном уровне.

Картина, открывшаяся моему врачебному взору, заставила бы содрогнуться любого столичного магистра медицины. Это не было обычным заклинанием или абстрактными чарами, как их привыкли воспринимать в этом мире. Это была изощренная, агрессивная паразитическая структура. Чужеродная, деструктивная магия металла внедрилась в центральный энергетический узел девушки в грудном отделе и начала стремительно материализоваться, перестраивая живую биологическую ткань под себя. Металлические волокна и шипы прорастали сквозь фасции и мышцы, действуя как механические клинья. Самое страшное — одна из самых длинных стальных игл уже пробила перикард и при каждом сокращении левого желудочка вонзалась все ближе к крупному коронарному сосуду. Как только магистральная артерия будет пробита, наступит мгновенная тампонада сердца и смерть.

— Все ваши храмовые целители — слепые, заносчивые глупцы, — холодно и жестко произнес я, выключая внутреннее зрение и возвращаясь в реальный мир. На моем лице не отразилось ни капли страха. — Они пытаются растворить этот металл встречной магией стихий, но от энергетического воздействия это паразитическое плетение лишь начинает расти быстрее, защищаясь от внешней угрозы и выбрасывая новые шипы. Здесь нужна не магия. Здесь нужна точная механика и чистая топографическая анатомия. Мы просто возьмем стальной нож и физически вырежем эту сталь из ее груди, пока она не пробила миокард.

Шкипер Мартын от моих слов испуганно перекрестился, а двое артельщиков, державших лампы, едва не выронили их от суеверного ужаса.

— Вырезать магическую опухоль ножом?! По-живому?! Доктор Михаил, опомнись, это же верная смерть! Никто в здравом уме не режет грудную клетку высшим магам из Великих Кланов! Их врожденная искра сдетонирует от боли и выжжет тут всё вокруг!

— Если мы сейчас ничего не сделаем, её искра погаснет сама через тридцать минут, — отрезал я, срывая крышку со своего латунного сундучка. — Кипяток сюда! Спирт! Нам важна каждая секунда!

Я тщательно, до локтей обработал свои руки чистым медицинским спиртом, чувствуя, как он приятно холодит кожу. Затем достал из футляра самый большой, остро заточенный скальпель, пинцет и несколько кровоостанавливающих зажимов. Налил спирт прямо в лоток с инструментами, дезинфицируя сталь. Повернувшись к столу, я скомандовал Мартыну обильно залить йодом всю область грудной клетки девушки. Кожа Елены окрасилась в темно-коричневый цвет, резко контрастируя с серой металлической чешуей проклятия.

Наркоза в моем арсенале по-прежнему не было, а эфир для такой сложной торакальной операции без аппарата искусственного дыхания использовать было нельзя — пациентка должна была удерживать самостоятельный дыхательный ритм. Придется действовать наживую, полагаясь исключительно на скорость и ювелирную точность своих пальцев.

— Держите её плечи, — тихо, но с железной интонацией приказал я артельщикам. — Если она дернется во время надреза — я промахнусь на миллиметр и вскрою ей аорту. Нам обоим это не понравится.

Я перехватил скальпель поудобнее, зажав его в пальцах как писчее перо. По моим прочищенным каналам руки привычно устремилась серебряная энергия структуры. Она полностью убрала малейший физиологический тремор, сделав руку стабильной, словно станина механического станка. Время для меня словно замедлило свой ход, сузившись до размеров операционного поля.

Я сделал первый, глубокий и длинный надрез на груди.

Скальпель с тихим, характерным хрустом рассек кожу и подкожно-жировую клетчатку строго по границе серой металлической чешуи. Девушка на столе конвульсивно, всем телом вздрогнула, её веки затрепетали, а изо рта вырвался глухой, полный нечеловеческой боли стон. Из раны мгновенно хлынула густая, темная кровь, угрожая залить весь обзор. Но я не дрогнул. Моя рука двигалась со скоростью, недоступной обычному человеку. Кровоостанавливающие зажимы один за другим с сухим металлическим щелчком ложились на поврежденные сосуды, мгновенно останавливая кровотечение. Портовые рабочие смотрели на это кровавое зрелище, едва сдерживая рвотные позывы, но продолжали мертвой хваткой прижимать плечи графини к дубовой парусине верстака.

Я раздвинул края раны анатомическими крючками, обнажая большую грудную мышцу. Проклятие Морозовых сидело глубоко. Стальные иглы переплелись с мышечными волокнами, словно корни старого дерева, и мне предстояло буквально отслаивать живую ткань от инородного металла.

Каждый раз, когда сталь моего скальпеля соприкасалась с чешуйками «Стальной Розы», металл внутри раны начинал яростно вибрировать, издавая тонкий писк. Заклятие чувствовало угрозу и пыталось выбросить новые защитные шипы вглубь тканей. Но чужеродная магия наткнулась на непреодолимое препятствие. Мои инструменты были сделаны из чистой нейтральной стали, которая не несла в себе магии стихий. Для проклятия мой нож был просто неодушевленным физическим телом, механическим препятствием, которое невозможно было перегрузить или взорвать встречной энергией. Земная хирургия и анатомический расчет начали планомерно, миллиметр за миллиметром, вскрывать саму суть этого темного артефактного плетения. Я еще сильнее сосредоточился, координируя работу зрения и рук. Поражение

зашло слишком далеко, и медлить было нельзя. Настоящий торакальный хирург на Земле в этот момент потребовал бы аппарат искусственной вентиляции легких и пилу для грудины, но в условиях портового пакгауза моим единственным союзником была ювелирная точность.

— Держите лампы ближе! — жестко скомандовал я артельщикам, чьи лица уже покрылись крупными каплями пота от суеверного страха. — Направьте свет строго в глубину раны. Используя анатомический пинцет, я аккуратно отодвинул волокна рассеченной большой грудной мышцы. Прямо под ней открылся доступ к межреберному пространству, где засели самые опасные элементы проклятия. Центральный металлический корень «Стальной Розы», напоминающий уродливый, граненый стальной стержень, успел частично деформировать треть ребро девушки. От этого стержня вглубь плевральной полости уходила та самая длинная, тонкая и острая как швейная игла спица. Моё внутреннее зрение, работающее на максимуме, четко фиксировало: наконечник этой стальной иглы уже вплотную прижался к наружной стенке перикарда. Вокруг нее концентрировалось плотное, пульсирующее облако темной, ядовитой фиолетовой магии Клана Морозовых. Оно буквально вибрировало в такт затухающему пульсу Елены Громовой.

Если бы местный храмовый лекарь попытался коснуться этого места своим очищающим световым заклинанием, произошел бы мгновенный энергетический коллапс. Чужеродный магический контур Морозовых среагировал бы на внешнюю силу как на триггер и за долю секунды выбросил бы шипы вперед, пробив левый желудочек сердца насквозь. Но заморская сталь моего скальпеля и зажимов была абсолютно нейтральна. Для темного артефактного плетения мои действия были лишь слепым механическим воздействием, которое оно не умело блокировать.

— Мартын, готовь спиртовой раствор йода и чистые марлевые тампоны, — не оборачиваясь, произнес я. Мой голос звучал на удивление ровно, словно я находился в стерильной операционной столичного института, а не в сыром портовом боксе под завывание бури. — Сейчас будет критический момент. Пациентка может выдать сильный рефлекторный спазм. Держите её изо всех сил.

Я аккуратно ввел бранши длинного кровоостанавливающего зажима вглубь межреберья, подводя инструмент под самое основание металлической спицы. Мои пальцы, подпитанные серебряной энергией структуры, ощущали малейшее сопротивление тканей. Я зафиксировал стальной шип зажимом у самого края кости. В ту же секунду по комнате разнесся тихий, тонкий хрустальный звон, похожий на звук разбивающегося на морозе бокала. Темное фиолетовое облако магии вокруг раны яростно вспыхнуло, попыталось перекинуться по металлу инструмента на мои пальцы, но мгновенно наткнулось на плотную серебряную стену моей собственной энергии, которой я предусмотрительно изолировал кисти. Грязное плетение бессильно растворилось в воздухе, оставив лишь легкий запах озона.

Одним точным, резким и коротким движением руки я перекусил стальное волокно. Тело Елены на столе непроизвольно выгнулось дугой, из её груди вырвался тяжелый, свистящий выдох, но портовые гиганты удержали её плечи. Металлическая спица была успешно изолирована.

— Пошла, милая, пошла — тихо шептал я себе под нос, используя анатомический пинцет.

Миллиметр за миллиметром я начал бережно вытягивать из грудной клетки девушки длинные, изогнутые стальные шипы проклятия. Каждый из них выходил из живых волокон с тихим, влажным звуком, оставляя после себя рваные, но чистые каналы. Я тут же заливал эти ходы приготовленным раствором йода, прижигая мелкие кровоточащие капилляры и предотвращая развитие инфекции. Вслед за удалением металла я начал некрэктомию — скальпелем иссекал серые чешуйки огрубевшей кожи и пораженных мышц, освобождая дорогу здоровой, яркой алой крови.

Вся эта изнурительная, ювелирная операция по-живому длилась бесконечные два часа. К концу второго часа на латунном лотке у моих ног лежала жуткая, окровавленная грудa иссиня-черного мертвого металла — та самая разрушительная «Стальная Роза», которая должна была гарантированно убить наследницу Великого Клана. Грудная клетка Елены Громовой была полностью, до последнего микрона очищена от чужеродных паразитарных элементов.

Я взял иглодержатель с тонкой шелковой нитью и приступил к ушиванию раны. Действуя быстро и аккуратно, я послойно восстановил целостность межреберных мышц, фасций и подкожной клетчатки, наложив в конце безупречный, ровный косметический шов. На Земле такую работу посчитали бы эталоном пластической хирургии. Когда я закрыл операционное поле плотной стерильной повязкой из прокипяченной парусины, я наконец смог опустить инструменты.

Моя серая рубаха была насквозь мокрой от пота, лицо осунулось, а в глазах плавали темные круги от колоссального расхода ментальной и физической энергии. Правое предплечье глухо выло от непривычной магической нагрузки. Но когда я перевел взгляд на бледное лицо девушки, я понял, что совершил невозможное.

Синюшный, пугающий оттенок полностью исчез с её губ. Иссиня-черные раздутые вены на шее и щеках опали, принимая свой естественный, здоровый вид. Её дыхание стало глубоким, ровным, сильным и совершенно спокойным, без прежнего жуткого клокотания. Мой пальцевой контроль пульса на сонной артерии показывал твердые, уверенные семьдесят два удара в минуту. Её собственный врожденный золотистый магический источник в глубине груди, наконец-то избавившись от удушающего стального каркаса, вспыхнул ровным, чистым и мощным светом, мгновенно запуская процессы ускоренной регенерации. Наследница Клана Громовых была спасена.

Я обессиленно опустился на колченогий деревянный стул, чувствуя, как предательски дрожат колени. Шкипер Мартын, двое его верных артельщиков и раненый гвардеец в углу стояли вокруг стола, бледные, ошарашенные и не способные вымолвить ни единого слова от пережитого потрясения. Они только что своими собственными глазами стали свидетелями исторического события, которое полностью, до основания ломало все вековые устои и догмы этого мира. Обычный человек, которого общество магов считало бракованной «пустышкой», действуя лишь куском острой стали и ледяной логикой, успешно оспорил окончательное решение самой смерти там, где пасовала вся высшая гильдия целителей.

— Она она действительно дышит — едва слышно, прерывистым шепотом пролепетал раненый гвардеец-телохранитель, медленно сползая со стула на колени перед операционным столом и благоговейно прижимаясь лбом к краю парусины. — Жива Господи, она жива. Это же истинное чудо.

— Чудес не бывает, парень. Бывает только точный расчет и знание анатомии, — устало произнес я, аккуратно складывая окровавленные скальпели и зажимы обратно в латунный сундучок.

— Графиня будет крепко спать примерно до самого утра, её организму нужен покой. Жар полностью спадет через пару часов, как только её собственный источник выведет остатки токсинов. Мартын, обеспечь ей и её человеку полную, абсолютную охрану на первом этаже пакгауза. Ни одна живая душа во всем городе не должна пронюхать, что дочь графа Громова находится здесь. Клан Морозовых сейчас наверняка обыскивает все официальные лечебницы и храмы в центре, но им никогда в жизни не придет в голову искать её на подпольном складе в Нижнем порту. Мы выиграли для неё время.

Шкипер Мартын медленно подошел ко мне вплотную. Его суровое, обветренное лицо было сосредоточенным, а в единственном глазу горел настоящий, фанатичный огонь абсолютной преданности и уважения к моему мастерству. Он весомо, по-дружески положил свою широкую мозолистую ладонь мне на плечо.

— Доктор Михаил С этой самой ночи ты для всей нашей портовой артели и для всего рабочего люда — закон, указ и бог, — тихо, но со стальной уверенностью произнес шкипер. — Что бы ни случилось в этом городе, какие бы интриги ни плели Великие Клань, мы встанем за тебя насмерть. Порт умеет воевать и умеет молчать. Отдыхай, док. Твой покой теперь охраняет вся портовая зона. Ни одна крыса сюда без твоего ведома не пролезет.

Я молча кивнул, чувствуя, как сознание стремительно уплывает в глубокий, спасительный сон от дикой усталости. Первое серьезное противостояние с темной магией Великих Кланов завершилось моей абсолютной, хирургической и чистой победой. И это было лишь самым началом моего долгого восхождения к истинной власти в этой империи.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.